

Волшебный Амулет

МАРИЯ ГРИПЕ

ДЕТИ
СТЕКЛОДУВА

Annotation

Эту таинственную, похожую на чудный и страшный сон сказку написала шведская писательница Мария Грипе. Леса и скалы Южной Швеции подсказали ей историю Класа и Клары, детей стеклодува. Мария Грипе, которая у себя на родине известна не менее, чем великая Астрид Линдгрэн, создала книгу, которую сравнивают одновременно и с повестью «Ронья, дочь разбойника», и с бессмертной «Снежной Королевой».

- [Мария ГРИПЕ](#)
 - [Из чего сделана сказка](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [Часть третья](#)
 - [20](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-
-

**Мария ГРИПЕ
ДЕТИ СТЕКЛОДУВА**

Из чего сделана сказка

Дома строят из камня, хлеб выпекают из муки, а машины делают из железа и стали. «Вот так новость! — удивится кто-нибудь, прочитав это. — Подумаешь, открытия. Это и самому глупому ёжику понятно».

Что верно, то верно. Стоит посмотреть на любую вещь, которая вышла из человеческих рук, и сразу ясно, из чего она сделана. Ну а если попадётся что-нибудь непонятное вроде летающих тарелок, можно спросить у взрослых, не зря же они живут на свете столько лет и столько всего перевидали.

Да, это правда.

Но попробуйте-ка догадаться, из чего сделаны сказки?

Один мальчик, когда его спросили об этом, закричал что было сил: «Из слов! Из слов делают сказки! Чем больше слов, тем больше сказок». Этот мальчик был из тех детей, которые ужасно любят первыми отвечать на все вопросы.

Через три часа несчастный ребенок написал: «У меня болит голова». И это была чистая правда. Но разве кому-нибудь понравится такая сказка?

Так из чего же делают сказки? В чём их общий секрет?

Вы не поверите, но секрет всех сказок заключается в том, что они растут. Они зреют в сердце у сказочника, как яблоки в саду. А терпеливый сказочник дожидается того часа, когда слова соберутся вокруг, сказки и сами попросятся на бумагу. И представьте себе, у каждой сказки это получается по-своему.

Шведская писательница Мария Грипе, которая написала эту книгу, начала придумывать сказки, когда ей было всего десять лет. Она рассказывала их своим младшим сестрам перед сном, и эти сказки потом превращались в их сны. С настоящими сказками такое случается.

Надо сказать, что взрослые иногда бранили Марию за то, что она всё время фантазирует. Им казалось, что из девочки-фантазёрки не получится серьёзного человека. И тогда Мария Грипе решила превратиться в обыкновенную девочку без выдумок и фантазий. Она научилась говорить серьёзно и строго, она окончила университет, где изучала философию и религию, и она совсем перестала рассказывать сказки.

Но настоящие сказки не исчезают. Стоит им дозреть, и они запросятся к людям. И тогда хочешь не хочешь придется сказочнику братья за перо.

А с волшебной историей о детях стеклодува получилось вот что. В

начале 60-х годов XX века Грипе с мужем и дочкой отдыхала на юге Швеции в провинции Смоланд среди озер и каменистых холмов. В тех краях, кстати, родилась Астрид Линдгрен.

И вот погожим осенним днём вся семья писательницы отправилась на ярмарку. А надо сказать, что ярмарки в этой шведской провинции проходят уже много-много лет.

Под навесами, где расположились мастера-стеклодувы, сверкало чудесное смоландское стекло — чаши, бокалы... А поодаль на деревьях художники развесили на продажу свои картины. Словом, все было, как обычно.

Но на обочине дороги сидел старичок, похожий на доброго гнома. Казалось, он только что вышел из-за гранитных валунов или из тёмного елового бора. Старичок продавал украшения. Мария выбрала оловянный перстень с зелёным камнем. Этот камень походил на глаз, который смотрел на писательницу так, будто хотел поведать что-то...

А в летнем домике, где жила в ту пору семья, Мария нашла сахарницу с изображением мальчика и девочки. Сами собой появились имена для этих детей — Клас и Клара. Они-то и стали главными героями сказки «Дети стеклодува». После этого сказка сочинилась быстро, точно сама собой. Кроме брата и сестры, вы встретитесь на страницах этой книги с доброй и мудрой прорицательницей Крылатой, её сестрой — глупой и жестокой Наной, Властителем и Властительницей, которые похищают Класа и Клару. А еще там есть Река Забытых Воспоминаний. Ну и, конечно, ворон Разумник, который помогает Крылатой спасти детей и одолеть зло. И дети, и взрослые, однажды открыв эту книгу, не могут от неё оторваться. Недаром сама Грипе говорила, что эта сказка не для детей и не для взрослых. Она для всех.

Не теряйте времени, читайте. Приключения детей вот-вот начнутся...

Л. Брауде

Часть первая

*... коли не знать свою судьбу заранее, можно жить
беззаботно.*

«Речи Высокого» «Старшая Эдда».

Жили они в старинном городе, его уже нет, — а звался он — Нёда — Город Беспросветной Нужды — и расположен был в приходе Дисеберга — Дымчатая горка.

А были это — Альберт, стеклодув, и его жена. Он — родом из здешних краев, жена его с севера. Ее звали София, и была она красива, как свежая роза. Детей их нарекли — Клас и Клара. Так решил Альберт, он хотел, чтоб они напоминали об его ремесле. «Клас» рифмуется со словом «глас» — «стекло», а «Клара» значит «ясная», «прозрачная», и это также наводит на мысль о нём.

Альберт хоть был очень беден, но у него имелась собственная лачуга, где они жили, еще стеклодувная мастерская. Лачуга была ужасно тесной. В горнице вдоль одной стены стояли диван да старинные часы. По другую сторону были сундук с откидной крышкой и шкаф, а прямо у окна — стоял стол. Альберт и София спали на диване, а дети — в сундуке.

Очаг был широк и занимал большую часть горницы. Перед ним стояла прялка Софии. Над ней, на двух железных крюках, вбитых в потолок, висела колыбель. Когда-то младенцы по очереди занимали ее, а теперь София хранила там свои заветные вещицы.

Рядом с очагом была дверь в каморку, там помещались только платяной сундук и стол. Вот и все.

Стеклодувная была тоже невелика, однако и Альберту и его подмастерью места хватало, да и Класу с Кларой, когда они приходили посмотреть, — тоже, а важнее этого — ничего не было.

Чудеснее стекла, что здесь выдували, не было на свете — Альберт был мастер выдувать стекло, а вот торговал им из рук вон плохо. Он ездил на ярмарки и осенью, и по весне, но выручал совсем немного. Только-только чтобы сводить концы с концами, но не более того.

Когда наступала пора, София ходила к крестьянам трепать лён. Детей она брала с собой, и их кормили там всех троих. А вместо платы Софии давали кудель да каравай хлеба в день, так что жили они тогда припеваючи.

Клас был младшенький, ему минул только год. Он еще не ходил, но часами смотрел, как отец выдувает стекло. Так же легко, как ребенок выдувает мыльные пузыри, выдувал Альберт блестящие бокалы и сверкающие чаши. И они не лопались как пузыри, а длинными рядами выстраивались, сверкая на полках. Чудо, да и только!

Клас, затаив дыхание, тихонько сидел в своем уголке на полу и смотрел, как колдует Альберт, выдувая один за другим блестящие шары из своей длинной стеклодувной трубки. Мальчику казалось, что шары всё растут и растут и парят у него над головой. В глазах его появлялось томительно-мечтательное выражение, словно он видел что-то далеко-далеко отсюда.

Что же он видел? О чем думал? О небе или, может, о море? Он и сам не знал, он был слишком мал, чтобы найти нужные слова. Но Альберт только улыбался — он-то знал — ведь с ним бывало то же самое. Отец и сын видели Красоту.

Клара была чуть старше. Она тоже любила забегать в мастерскую, но не хотела сидеть смиренно — это было не по ней. К тому же, когда она там бывала, случалось, что готовое изделие падало на пол и разбивалось вдребезги, разлеталось на тысячи осколков. Но ее это не очень огорчало, она, танцуя, выбегала из мастерской и мчалась домой. Дома ждала её кудель, и была она для Клары чудом из чудес! А вот Клас, когда стекло разбивалось, становился таким чудным! Сначала, слыша звон разбитого стекла, он ликовал, затем, точно громом пораженный, начинал плакать при виде осколков, лежавших на полу.

Успокоить его было невозможно, и Класа в конце концов уносили из мастерской. Порой Альберта это страшно сердило, но он думал, что постепенно Клас подрастет и привыкнет к тому, что стекло иной раз бьется. Но Клас и не думал привыкать. Наоборот, каждый раз он плакал все горше и горше, и в конце концов Альберт едва осмеливался приносить его в мастерскую.

Вот такая странность отличала Класа, но на неё особо не обращали внимание, и без того было о чем беспокоиться.

Альберт — тот думал о стекле. Только о стекле. О стекле любой формы, о стекле в любом виде. О стекле сверкающем, о стекле блестящем, о стекле отражающем, как зеркало, о стекле звенящем, поющем... словом, о стекле. Всегда о СТЕКЛЕ.

Софии казалось, что Альберт, пожалуй, слишком много думает о стекле. Она считала, что Альберт больше любит стекло, чем ее. Случалось, что солнце всходило и заходило, потом всходил и заходил месяц, а Альберт по-прежнему работал у себя в мастерской. Сидя у окна, София неотрывно вглядывалась в темноту и ждала. Случалось же это — частенько... Клара же всегда была весела. Да и как могло быть иначе, она — Клара — Ясная, Прозрачная, у нее была кудель, чтобы заплетать ее в косу и расчесывать, да еще осколок зеркала, чтобы смотреться в него? Для счастья этого было

более чем достаточно!

И маленькая странность Класа так и осталась при нём. Никто не понимал, что малыш попросту предчувствовал: самое прекрасное бывает и самым хрупким. А когда ты мал и ничего не знаешь о стекле, к этому очень трудно привыкнуть да и страшновато. А еще печально, что самое прекрасное так легко разбивается вдребезги!

Но об этом никто не думал, а меньше всех — София, у которой появились опасные мысли. Уныние и недовольство всё нарастали в её душе. И вот однажды вечером, вернувшись из стеклодувни, Альберт застал её перед окном в слезах. Она сидела в темноте, не зажигая огня. Луна слабо освещала её, на подоконнике блестели слёзы. Она не поднимала глаз.

— Что с тобой?! Ты плачешь? — растерянно спросил Альберт.

Она всхлипнула в ответ:

— Мне так одиноко, потому что тебя никогда не бывает дома.

Альберт объяснил ей, что делает сейчас стеклянную чашу, подобной которой нет и не было. Софии оставалось потерпеть совсем немножко, а потом он станет чаще бывать дома.

Но София только вздыхала. Она прекрасно знала, как всё будет. Когда эта чудо-чаша появится на свет, Альберт придумает что-нибудь ещё более чудесное, — говорила София. Уж она-то его знает! Он никогда не сотворит чашу, которая покажется ему достаточно красивой. У него никогда не будет времени для неё, Софии...

Альберт не знал, что и ответить. Он беспомощно переминался с ноги на ногу, и ему казалось, что в словах Софии есть доля правды.

— Но ведь ты всё время с детьми, — сказал он наконец. — С ними от одиночества не заскучаешь.

Вот этого ему говорить не следовало. Тогда София не впала бы в искушение ответить так, как ответила она.

— Дети, — прошептала она, — ну и хорошенькая компания, потвоему! Они ведь больше в тягость...

На самом деле она так не думала, — ни одна мать такое не подумает — и она тотчас раскаялась в своих словах. И это сказала она, она которая так гордилась и была так счастлива своими детьми! А все дело в том, что опасные мысли на миг одержали верх над её разумом.

Альберт помрачнел, и ни один из них не вымолвил больше ни слова.

Но София горько упрекала себя, она не забыла своих слов и была уверена в том, что всё случившееся в дальнейшем — кара за эти ужасные, сорвавшиеся с её уст слова.

Неподалёку от города высилась красивая зелёная горка. Она была видна отовсюду, куда ни пойдешь; город словно покоился под её защитной сенью. На горке росла вековая яблоня. Она притягивала к себе все взоры — будь то весной, летом, осенью или зимой — яблоня резко обрисовывалась на глади неба, она зеленела, она цвела, она плодоносила, сгибаясь под тяжестью плодов, или же топорщила голые чёрные ветви. Казалось, там, на вершине горы, царят мир и покой.

И всё-таки недаром об этом месте шла ужасная молва. Некогда горка называлась Холм Висельников. Когда-то там карали преступников. И считалось, что на Холме Висельников нашли свою судьбу столько же преступников, сколько яблок приносит это дерево. Каждую осень красовалось оно, усеянное сверкающими красными плодами, но никогда никому так и не удалось их пересчитать.

Яблоки были на диво вкусны, да и, по правде говоря, много-много лет минуло с тех пор, как горка называлась Холм Висельников.

Теперь на вершине виднелась небольшая лачуга, и никто не мог взять в толк, как можно селиться в таком ужасном месте. Яблоня скрывала её в тени, и по ночам там горел свет.

А жила там удивительно старая женщина. Звали её Флакса Мильдведер, что значит — Крылатая Ясная Погодка. А может, ей дали прозвище, потому что, как нарекли её при крещении, никто, пожалуй, не знал.

Крылатой её называли оттого, что она всегда расхаживала по округе в длинном синем плаще с пелериной, которая взлетала у неё на плечах точно крылья большой птицы. А на голове носила она очень большую странного вида шляпу. Поля шляпы, усеянные цветочками, обвивали венчиком высокую фиолетовую тулью, украшенную бабочками.

А Ясной Погодкой её прозвали потому, что её появление, как думали люди, сулит ясную, мягкую погоду.

Зимой она никогда не выходила на люди, неделями нигде не показывалась. Но вдруг внезапно появлялась и, трепеща пелериной, спускалась с холма в своём необычном плаще и шляпе с цветочным венчиком, и тогда все уже знали: жди теперь оттепели. Если даже стоял тридцатиградусный мороз и толстый слой снега покрывал землю, стоило появиться Флаксе Мильдведер, как всё равно на следующий день начинало

таять. И надежнее её, вестницы весны, во всей округе не было.

Да, много странного было в ней — вестнице тепла вещунье Крылатой.

Она и гадать умела. Карты презирала, но охотно гадала по руке и на кофейной гуще. И немало находилось таких, кто, презрев ужас, внушаемый Холмом Висельников, торопливо пробирались наверх в ночной мрак, чтобы узнать свою судьбу. Но призвана была гадалка Флакса Мильдведер в этот мир не для того, чтобы гадать, а для того, чтобы ткать. Она ткала ковры. Узоры для них придумывала она сама, и об этом тоже есть своя особая история. Сидя за ткацким станком изо дня в день, раздумывала она понемножку о людях и о жизни в этом городе.

И вот однажды Крылатая обнаружила, что знает, какова дальнейшая судьба этих людей. Она узнавала её в узоре ковра, возникавшего под её руками. И, сидя за ткацким станком, она заглядывала в будущее. Это было всё равно, что читать книгу, так ясно и отчетливо видела она будущие события.

«Так оно и должно быть», — думала она. Это не удивляло Крылатую. Не было для неё неожиданностью и то, что гадая — следуя за линиями человеческой руки или глядя неотрывно на кофейную гущу — она и там видела узоры своих ковров. И тотчас узнавала, каким будет ковер, который ткала. Так одно помогало другому. Ткачество и гаданье говорили об одном и том же.

Но из какого таинственного источника черпала она своё знание человеческих судеб, откуда брала узоры своих ковров, она никогда никому не раскрывала. Может, и сама этого не знала! Как бы то ни было, в городе её почитали.

И надо сказать, что гаданьем и ткачеством она занималась не только денег ради! Она получала на прожитье, а остальное её не интересовало.

Хотя она вечно сидела за ткацким станком, лишь немногие из её ковров были действительно вытканы до конца. Но эти — готовые — всегда бывали неповторимо красивы. А на ярмарках она всегда, сидя в своей палатке, гадала, ковры же были выставлены напоказ снаружи.

Многое могли бы поведать глаза Крылатой. Они непрерывно менялись, и была в них сила, перед которой не мог устоять никто из людей.

Но удивительнее всего было то, что этот полный силы взгляд оставался кротким, как первые весенние цветы. И всё же кротость его была обманчива. Ведь именно этот синий взгляд, нежный, как крокусы в июньских травах, покорял вокруг неё мир. Вот каковы были её глаза.

Да, человек она была необычный...

Люди, живущие неподалеку от города, обычно держат домашних

животных — кошек. Или собак. У Крылатой был ворон. Звали его Разумник. Откуда он ей достался, никто не знал, то ли она поймала его сама, то ли попал к ней как-то иначе, но жил он у неё давным-давно, можно сказать всегда, и птица эта была тоже удивительная.

Ворон умел говорить. И болтал он не какую-то там чепуху. Он отвечал, когда к нему обращались, всегда очень разумно — если ему этого хотелось; случалось ведь, такого желания у него не было, потому что порой он капризничал. А иной раз говорил загадками и простые люди ничего из его речей не понимали. Но Крылатая другое дело — она понимала всё.

С некоторых пор Разумник окривел. Ходили поразительные слухи о том, что вроде бы он потерял глаз в Кладезе Премудрости. Крылатая была этим опечалена, и не потому, что Разумнику трудно было обходиться одним глазом. С этим он, пожалуй, справлялся. Но изменился его нрав. И ничего удивительного — у ворона должно быть два глаза, в особенности у такого, как Разумник.

А все дело в том, что его глаза обладали разными свойствами.

Один глаз был дневной. Им видел он солнце и всё то, что окрашивается солнечными лучами. Разумник видел им краски — светлые и теплые. Он видел радость жизни, улыбки и смех, радостные мысли, доброту. Взгляд этот забирался также далеко в будущее, он видел то, чему должно случиться.

А другой глаз был ночной и видел он все, что окрашено светом месяца. Краски — тёмные и холодные. Тени и горе видел он, мрачные мысли, уродство и злобу. И этот глаз смотрел в прошлое, даже в самую глубокую древность проникал он.

Глаз, утраченный Разумником, был ночной глаз, лунный глаз, глаз древности. Тот, что называют также — дурной глаз. И, пожалуй, от этого нрав его переменялся. Видел он теперь жизнь только в розовом свете. Воспринимал — только радость и доброту. И не видел больше ни одной тени. Даже собственной своей тени и то не видел. Интересно, видел ли он хоть раз самого себя, такого чернущего?! Всё это сделало его чуточку легкомысленным. Это не очень ему пристало, но что он мог поделать!

И Крылатая это понимала.

А ещё она думала так: «Не было бы счастья, да несчастье помогло. Хорошо, что он не утратил свой добрый глаз. Тогда бы вся жизнь рисовалась ему в черном цвете». Но с другой стороны, было неясно: оправдывает ли теперь Разумник своё прозвище.

Прекрасно видеть светлые стороны жизни, но по-настоящему видит только тот, кому доступны и теньевые её стороны.

Вот почему ей казалось, что Разумник стал чуточку легкомысленным.

Нынче в Блекерюде была ярмарка и на дорогах толпился разный люд. Многие приезжали издалека на повозках, а некоторые приходили пешком, таща тележки.

Приезжали цыгане, красивые с виду: кудри у них развевались, а глаза блестели. Чужая речь эхом отзывалась вдоль дорог, когда они наезжали с музыкой и зрелищами, их наряды блестели и переливались, а браслеты звенели.

Все смотрели им вслед, охваченные томительным ожиданием.

София с Класом на коленях сидела на облучке с Альбертом, а Клара — между ними. Ехали они медленно, наслаждаясь поездкой.

Утро стояло ясное и прохладное. Меж верхушками сосен плыло солнце, но оно уже не грело. Шла осень. От пуха репейника, оседавшего на дороге, воздух казался волшебно-серебристым.

Альберт и София улыбались друг другу, а дети хохотали.

На ярмарочной площади Альберт снял лавку с кровлей из гонта. Как обычно, он делил ее с другим стеклодувом. И вот он расставил свой товар. Товару его соседа было далеко до изделий Альберта, но это не очень-то помогало. Сосед куда лучше торговал, умел зазывать народ, и торговля у него шла уже вовсю.

На этот раз все было как всегда. Ярмарочный люд подолгу любовался изделиями Альберта, но покупал у соседа. Словно кто-то заколдовал все, что вышло из его рук, и Альберт уже почти утратил мужество. София, которая все утро была преисполнена лучших предчувствий, становилась всё бледнее и бледнее. Что толку лезть из кожи вон, выдувать прекраснейшие чаши, если никто их не покупает?!

И почему Альберт не выдувает стекло, которое хотят купить? Что будет с ними со всеми?

Повозку им пришлось одолжить, лавку они сняли за большие деньги! И ни единого стеклышка не продали!!! Никто и меняться-то ни на что не хочет. А время шло.

Уже перевалило за полдень. А денег, чтобы остаться здесь ночевать, не было. Придется им скоро возвращаться домой несолоно хлебавши. Дети начали капризничать. Клара сначала бегала по ярмарочной улице и играла с другими детьми, но сейчас она вместе с Класом сидела в лавке. Их прикрыли меховой полостью и нужды у них ни в чем не было, но

беспокойство родителей передалось и им. Широко раскрытыми испуганными глазами следили они за всем происходящим.

Но тут вдруг всё разом переменялось.

По ярмарочной улице шел человек. Знатная особа, по всему видно — по платью, походке, движениям. А с ним — старик-кучер, прокладывавший ему дорогу сквозь толпу.

Шли они медленно, ни с кем не заговаривая. И ничего не покупая.

Но вот они подошли к лавке Альберта-стеклодува, и кучер уже было прошел мимо.

Знатный же господин остановился и окликнул кучера. И тростью, которую держал в руке, начал указывать на одно изделие Альберта за другим. Потом он покивал, делая знаки — краткие приказания кучеру, который тут же вошел в лавку и спросил, можно ли купить то, что приглянулось его господину.

Меж тем знатный гость, также войдя в лавку, не спускал глаз с Класа и Клары. Человек этот был совсем молод, но высокомерен. Лицо его, казалось, не знало радости. Он задумчиво смотрел на детей, однако так и не улыбнулся.

Кучер расплатился большими блестящими монетами, целой пригоршней монет, но когда Альберт захотел дать сдачу, хозяин отмахнулся. Вот так, сам того не зная, богач совершил благодеяние. Но с Альбертом он и словом не перемолвился.

Альберта это ничуть не задело! Теперь они спасены! За несколько минут они продали стекла больше, чем когда-либо мечтали.

Они глянули друг на друга, и Альберта охватила вдруг жажда действия. Теперь они будут развлекаться! На сегодня хватит, они закроют лавку и отправятся на постоянный двор. Там снимут комнату, уложат детей спать, а позднее сами пойдут на ярмарку и тоже немного повеселятся. Уж раз в жизни могут они позволить себе такую роскошь! Не слишком часто это бывало...

Альберт так считает?! София чуточку поколебалась, но розы быстро вернулись на её щеки.

— Думаешь, мы получим место на постоялом дворе? — спросила она.

— Иди туда сейчас же и забери с собой детей, — сказал Альберт, — а я приведу здесь всё в порядок и приду следом за вами.

Уже смеркалось. В лавках зажигались фонари, а ярмарочные факелы запылали на месте празднества.

Они стояли среди людской толчеи на ярмарочной улице. Альберт и София. Теперь они были вольные птицы, и Альберт сказал:

— Ты получишь от меня подарок на память о ярмарке, София.

— О нет! — воскликнула, покраснев, София.

— Да, — сказал Альберт.

Но сначала надо было купить гостинцы детям, спавшим на постоялом дворе. И они накупили на ярмарке разных карамелек и деревянных башмачков, Класу и Кларе, и деревянную лошадку Класу, и маленькую тряпичную куколку Кларе. На куколке была блуза и юбка, сверху же — передник, а на головке — косыночка.

Но что купить Софии? Чего она желает? Она и сама толком не знала... Может, косынку с розами?

Нет, старая ещё годится. Что-нибудь такое, чего у неё раньше не было.

«Может, небольшой флакончик туалетной воды? Это, пожалуй, стоящее дело», — подумал Альберт.

— Ну вот ещё, такие глупости! — засмеялась София.

— Ну, тогда я и сам не знаю...

В какой-то лавчонке сидел маленький старичок и торговал украшениями. Торговать ему было особо нечем, да и лавчонка его стояла на отшибе. Альберт и София проходили мимо неё много раз не останавливаясь. Фонаря у старичка не было, а было уже так темно, что они о нём и думать не думали.

Но вот взошла луна и окутала старичка и его лавочку ярчайшим облаком лунного света, когда Альберт и София снова проходили мимо. Тут они и увидели, что старичок стоит, протягивая им кольцо.

— Хочешь кольцо? — спросил Альберт, делая шаг к лавочке.

София схватила его за руку.

— Знаешь, Альберт, это больно дорого.

Старичок не двигался с места. Он был ужасно маленький, почти карлик, настоящий колдун с виду. Глаза словно два уголька горели на его лице, волосы сливались с бородой и в лунном свете, казалось, отливали голубизной. Не произнося ни слова, он только протягивал им кольцо.

Взгляд Софии упал наконец на кольцо. И вдруг ей почудилось, будто она всю жизнь, сама того не понимая, мечтала именно об этом кольце. Ее охватило страстное, жгучее желание получить его в подарок. И Альберт увидел это.

— Мы можем хотя бы спросить, сколько оно стоит, — сказал он.

Дрожь охватила Софию. Она чуточку побаивалась старичка, но всё же последовала за Альбертом.

Старичок не ответил на вопрос Альберта о цене. Взяв руку Софии, он надел кольцо на ее дрожащий палец. Оно пришлось ей впору.

Это было тяжелое серебряное кольцо с тёмно-зелёным переливчатым камнем, чей блеск покорял. София стояла, сжав руки. Альберт спросил её о чем-то, но она не могла вымолвить ни слова. Она стояла не двигаясь, залитая лунным светом, и взор её был погружен в сверкающую глубину камня, она словно всматривалась в чей-то таинственный глаз. Ей казалось, будто кто-то смотрит на неё. Время остановилось.

— Хочешь это кольцо? — снова спросил Альберт.

Голос его звучал весело. Он уже сговорился со старичком о цене.

Кольцо было им по карману.

— Спасибо, Альберт! — выдохнула в ответ София.

И кольцо так и осталось у неё на пальце. Альберт заплатил, и они ушли. Дел у них было немного, но они всё равно бродили по ярмарке да радовались. Когда они снова проходили мимо того места, где стоял старичок, его уже не было, и он, и лавочка — исчезли. Да и луна, скользнув, скрылась за лесом. А на том месте, где был старичок, образовалась вроде бы чёрная дыра.

София содрогнулась и потянула за собой Альберта на праздничную площадь.

Крылатая явилась на ярмарку, как обычно, и разбила палатку, в которой гадала. Она захватила с собой несколько ковров в темных красивых тонах, и они висели снаружи на подставке.

Ворон Разумник, в виде исключения, сидел на этот раз в клетке. Клетка была старинная, позолоченная, висевшая на крюке в дверном проеме палатки. И, входя в палатку, люди, случалось, толкали клетку, так что она начинала раскачиваться. Разумнику это нравилось, и он обычно тут же представлялся:

— Я — Разумник, чёрный ворон. Я отвечаю на вопросы. Спросите, попробуйте, я даю мудрые ответы на самые дурацкие вопросы.

Некоторые раздражались, полагая, что ворон хвастается, кое-кто находил это забавным, но большинство, пожалуй, проникалось почтением к говорящей птице.

Крылатой это было не очень по душе. Обычно ворон так себя не вёл, но всему виной было его одноглазие.

Поэтому она внушала птице, что он вовсе не так мудр, как считает, и что, наоборот, у него весьма поверхностный взгляд на вещи и предметы.

Однако ворона это не трогало. Он спокойно отвечал:

— Настроение мудреца редко бывает ровным. Надо быть мудрым в меру!

Тут Крылатая вздыхала, потому как в словах этих заключалась правда, в чём сама она убедилась в тот же день. Время от времени она выходила из палатки и беспокойно взидала на узор ковра, сотканного к ярмарке. И вид у неё всякий раз был одинаково встревоженный и несчастный. Шаги её становились всё тяжелее, и она качала головой так, что цветочки и крылышки бабочек на её шляпе печально подпрыгивали. Разумник покосился на неё:

— Есть средство куда лучше, чем бояться да сетовать, — сказал он укоризненно.

— Да, Разумник, — ответила она. — А какое средство ты советуешь мне?

— Ты, стало быть, снова почуяла, что ковёр предвкушает беду? — спросил ворон.

Она безмолвно кивнула.

— Что видел я, про то — молчок, — решительно заявил Разумник.

— А если она явится и захочет погадать?

— Я — молчок! — ответил Разумник, поводя глазом с видом мудреца.

Вся ярмарочная площадь купалась в лунном сиянии, а небо было усыпано звёздами. Время от времени падала звезда, и люди загадывали желания.

— Я хочу, чтобы мы разбогатели, — сказала София.

А вот Альберту ничего не хотелось. Он считал, что они и так многое получили в этот день.

— Я — ради блага детей, — добавила София. — Хочу, чтоб им жилось лучше, чем нам.

— Нам, пожалуй, хорошо, — тихо произнёс Альберт.

Но София его не слушала. И лишь только звезда упала, она произнесла:

— Представь только, как мила будет Клара в шелку, а Клас — в бархате. Этого я им желаю! — и глаза её мечтательно заблестели в лунном свете.

Они проходили как раз мимо палатки, где гадала Крылатая, и Альберт остановился, чтобы посмотреть на выставленные ковры. Он долго стоял, погружённый в размышления. Он видел, что они — гораздо красивее, чем когда-либо, но мрачнее и загадочнее. И у него, словно предвещая беду, странно сжалось сердце. Сама Крылатая не показывалась. Ворон Разумник молча сидел в клетке. Альберт повернулся к Софии. Ему хотелось знать, чувствует ли она то же самое, что и он; узор на одном ковре заставил его сердце сжаться.

Но София даже не смотрела на ковры, она прислушивалась к мелодии танца, доносившейся с развилки дороги.

Сделав пару шагов под музыку, она улыбнулась.

— Я думаю, не погадать ли мне, Альберт?! — сказала она.

— А ты не хочешь потанцевать? — спросил Альберт, которому хотелось поскорее уйти отсюда.

— Потом, когда погадаю!

И София вошла в палатку. Разумник поглядел на неё, но не произнёс ни звука. Там на трехногой скамеечке сидела Крылатая. На полу лежал один из её чудесных ковров. Софии они не нравились — слишком уж мрачны.

Крылатая сидела в шляпе, поля которой скрывали её лицо, воротник пелерины свисал. Взгляд её был прикован к полу, и она не подняла глаз, когда София вошла в палатку.

— Я хочу, чтобы мне погадали, — сказала София.

— Я нынче нагадала достаточно, — отрезала Крылатая.

— О, — разочарованно произнесла София, — а я так хотела...

Взгляд крокусовых глаз на какой-то миг коснулся лица Софии, а затем скользнул прочь.

— Ничего не поделаешь, — ответила Крылатая, — впрочем, ты и сама не ведаешь, чего хочешь.

Тут София рассердилась. Видимо, гадалка обращается с ней так потому, что они из одного городка. Ясное дело, она считает, мол, нечего подлаживаться к своим землякам, но она, София, не сдастся. Упрямо протянув руку, она сказала:

— Ну, хватит! Погадайте мне!

Сперва Крылатая сделала вид, будто не видит протянутой руки. Затем, вздрогнув, быстро кинула взгляд на кольцо Софии, а потом, закрыв глаза, покачала головой.

— Нет! — сказала она. — Нет, и ещё раз — нет!

Рука Софии опустилась. Расстроенная и оскорблённая, она хотела достойно ответить и не находила слов, чтобы выразить своё негодование. Но Крылатая все же поняла её. Снова устремив на неё свой изменчивый синий взгляд, она прошептала:

— Дорогое дитя, дорогое дитя... — только и вымолвила она.

Тогда София, опустив глаза, поняла, что всё не так, как она думала. Верно, Крылатая просто устала. Чуть-чуть устыдившись, она пошла к выходу. И вдогонку услышала, как гадалка говорит нежным голосом:

— У тебя на пальце — кольцо, София. Коли тебя когда-нибудь постигнет беда, пришли мне это кольцо, и я помогу тебе, где бы ты ни была. Не забывай мои слова! Пришли мне кольцо!

Когда Крылатая произнесла эти слова, София остановилась прямо перед клеткой Разумника. Ворон засыпал, закрыв глаз.

После этого желание танцевать у Софии пропало. Она всё рассказала Альберту.

— Можешь себе представить, ей хочется получить моё кольцо! — возмущённо сказала она.

— Дело, верно, не в этом, — сказал Альберт, — на неё это не похоже. Пожалуй, попрошу-ка я её погадать мне, и тогда увидим. У меня ведь кольца нет!

Он вошёл в палатку и долго оставался там. София тем временем ходила слушать музыку. Она вернулась как раз, когда Альберт вышел из палатки. Он вышел, широко шагая, словно ужасно торопился.

А ворон Разумник, проснувшись, закричал ему вслед хриплым

голосом:

— Пусть этому верит тот, кому хочется! Меня это не колышет!

— Что случилось, Альберт? — испуганно спросила София.

— Идём! — сказал он, потянув её за собой. Он почти бежал вместе с ней.

— Она гадала тебе?

Он не ответил.

— Альберт?

Он только тянул её за собой — всё быстрее и быстрее. В конце концов София замолчала. Она молчала и послушно бежала рядом с ним.

Когда они примчались на постоянный двор, Альберт рванул дверь маленькой каморки, которую они сняли. Не произнеся ни слова, кинулся он к дивану, где спали дети. С обезумевшим видом склонился над ними и бесчисленное множество раз прошептал:

— Слава богу... Слава богу...

Дети так славно спали. София обеспокоенно посмотрела на него.

— Что с тобой? Ты думал, дети исчезли?

Но Альберт отвечал как-то уклончиво. Он, мол, устал и хочет сейчас же лечь спать. Что-то на него нашло, — сказал он.

— Верно, виноват во всём этот ворон, и этот лунный свет, и ковры...

— Уф-ф, да, — согласилась София, — ковры какие-то противные...

Они положили куколку Кларе, а деревянную лошадку — Класу и легли спать. Но Альберт долго не засыпал и всё ворочался.

В каморке не было окна, а только маленькая отдушина, куда непрерывно сочился лунный свет; холодный, голубой, беспощадный, он прорезал ночной мрак, пока София не встала и не завесила отдушину своей юбкой.

На следующее утро Альберт, поднявшись на рассвете, перенёс всю их поклажу в повозку.

Они покинули Блекерюд до восхода солнца, прежде чем занялся новый день.

Альберт сильно изменился. Дома он бывал гораздо чаще, чем раньше, а лишь только смеркалось, никогда в мастерскую не ходил.

Похоже, он чего-то боялся. Он всегда тревожился, тщательно ли заперта дверь и заперто ли окно. При малейшем необычном звуке он вздрагивал, а если дети оказывались вне поля зрения, беспокоился так, что почти терял рассудок.

Порой он среди бела дня прибегал из стеклодувной, только чтобы взглянуть, всё ли в порядке.

Но если София спрашивала, чего он страшится, он туманно отвечал, что малышей всегда подстерегает множество неведомых опасностей. И осторожность, и внимательный присмотр никогда не помешают.

София знала, что беспокойство это появилось после осенней ярмарки. Что, собственно говоря, там произошло? Да, ведь ему гадала Крылатая. Неужто ведунья сказала ему о чём-то страшном? Он-то уверял, что она лишь поболтала немного, как обычно делают гадалки. Он даже и не помнит, что она говорила. Но, как бы там ни было, он не из тех, кто обращает внимание на слова старух-гадалок.

Вот что отвечал Альберт — так почему же он вёл себя так чудно? На многие вопросы София так и не получила ответа, и в конце концов ей надоело спрашивать.

Заразило ли её беспокойство Альберта или, может, что-то иное, но сама она тоже не испытывала никакой настоящей радости. И всё же, что ни говори, она получила в дар это чудесное кольцо. Как можно быть такой неблагодарной? Но иногда ей хотелось, чтоб этого подарка у неё не было. Зачем он ей? Им надо было купить что-нибудь разумное на эти деньги.

Всякий раз, когда она надевала на палец кольцо, душа её переполнялась страхом. Видно оттого, что не привыкла она к красивым вещам. Такие безделушки не для бедных людей. Тяжким грузом ложилась на её совесть мысль о том, что вместо кольца можно было купить детишкам на зиму что-нибудь тёплое.

В один прекрасный день она не выдержала. Стянув с пальца кольцо, она спрятала его, чтобы никогда больше не надевать. Ей стало легче, а Альберт ничего не заметил.

В эту пору София ходила, как обычно, по усадьбам и трепала лён. Этот приработок был кстати, потому что Альберт немного наработал той

осенью.

Зима выдалась длинная, холодная и серая, но всё-таки в конце концов пришла весна. И тогда словно сразу полегчало.

Когда дни стали светлее, Альберт снова стал похож на самого себя. Весне он сопротивляться не мог. В стеклодувной началась спешка, ведь всю зиму он промешкал, а теперь надо было готовить товар к весенней ярмарке.

На этот раз он хотел ехать один. И его никак нельзя было уговорить. Он считал: дети слишком малы, чтобы брать их с собой, да и в последний раз было так тревожно. София была разочарована, но ничего не поделаешь. Ей пришлось смириться.

Альберта подвёз на ярмарку крестьянин, ехавший продавать деревянные башмаки и многое другое, что он успел настолярничать за зиму. У Альберта на этот раз стекла было не больше, чем могло уместиться на возу крестьянина.

Он собирался переночевать в Блекерюде и на следующее утро вернуться вместе с этим же крестьянином. Обещано было вернуться домой рано.

Но они не приехали, как обещали, и этот день стал днём тревоги и ожидания для Софии. София раз сто выбегала, высматривая их внизу, у развилки дороги.

В конце концов она и встревожилась, и рассердилась, и забыла караулить детей, хотя это она обещала Альберту твердо.

Но никакой беды с Класом и Кларой не случилось. Клас выучился зимой ходить и был теперь настоящим молодцом. Да и Клара была шустрой не по летам.

Взяв Класа за руку, она вышла на дорогу, посмотреть, куда это беспрестанно бегают матушка. София велела им сидеть в лачуге, но это ещё почему? Так красиво было на дворе. Солнце сияло, птицы пели. Трава уже зеленела. И глядь, ведь там вдали, по дороге шла матушка. Они поплелись за ней, пока она не исчезла за поворотом.

Тут им встретились две девочки, которые сказали, что нынче, когда народ поедет с ярмарки, можно заработать много денег.

Надо только пойти в лес и собрать много цветов, а потом встать внизу у большой дороги, где едут разные повозки. Нужно махать цветами и тогда люди купят их, потому что у всех сегодня много-много денег.

Вот это да!

Ведь у отца и матери всегда туго с деньгами! Но где найти цветы?

Да, девочки как раз знают где. Они покажут им. В лесу цветов

полным-полно. Там растут какие хочешь цветы!

— А подснежники и фиалки?

— Да, тоже, видимо-невидимо!

И девочки пошли вперед. А Клас и Клара последовали за ними. Всё было точь-в-точь, как они говорили. Лес просто светился от белых подснежников и синих фиалок. Дети набрали большие букеты.

Им даже не пришлось далеко идти, так что никакой опасности заблудиться, чего так боялись отец с матерью, не было. Девочки, в случае чего, выведут отовсюду. Потом они пошли лесом, наикратчайшим путём вниз, к большой дороге. И какое чудо им представилось! Там, вдоль всей дороги, уже тянулись целые ватаги ребяташек, все с цветами в руках; они махали букетами навстречу подъезжающим повозкам.

Крестьяне, возвращавшиеся домой, были весёлые, да к тому же и щедрые. То один, то другой покупали букеты, не скупясь, но Клас и Клара были, вероятно, слишком малы или же не умели размахивать цветами, как другие, потому что никто у них так ничего и не купил. А девочки уже продали свои цветы, опять помчались в лес и нарвали новые букеты — так хорошо у них шли дела.

Клас и Клара прошли чуть вдоль дороги, вниз, попытать счастья там. У Класа устали руки и цветы стали падать на дорогу, да они немного уж и привяли.

Но Клас и Клара всё же упорно стояли в ожидании. Одеты они были не очень-то красиво и скорее походили на маленькие охапки тряпья, откуда торчали метёлочки волос да выглядывали синие глазки, теплившиеся надеждой, и круглые разинутые ротки. К тому же и вид у них был не больно весёлый, когда они стояли там в ожидании чуда.

И чудо наконец свершилось.

По дороге ехал роскошный экипаж. Не какая-нибудь там обычная крестьянская повозка, запряжённая неуклюжими медлительными лошадьми. А красивый экипаж, который тянули два белых жеребца с развевающимися гривами; на облучке же сидел кучер. Белое облако пыли вздымалось из-под копыт коней — так быстро они мчались. В экипаже было окошко со шторками, и как раз, когда экипаж проносился мимо Класа и Клары, кто-то помахал им оттуда рукой.

Чуточку поодаль кучер сдержал лошадей, и экипаж остановился посреди дороги. Кучер слез с облучка и отворил дверцу. Дети толпой ринулись к экипажу и окружили его, но кучер прогнал их. Зато он помахал Класу и Кларе, чтоб они подошли ближе. Подумать только — в этом экипаже хотели купить только их цветы!

В экипаже сидели важные господа — красивая дама и знатный господин. С улыбкой смотрели они на серьёзных малышей, стоявших разинув роты. Особенно улыбался им мужчина. Он сказал, что узнал их, осенью он купил у их отца стекло на Блекерюдской ярмарке. Помнят ли они это?

Нет, они не помнили. Но всё-таки он хотел купить их цветы. Он сказал что-то кучеру, и тот вытащил большую монету и дал её Кларе, но тогда богатый господин захотел, чтобы он дал монету и Класу.

Дети были так изумлены, что даже не сообразили отдать цветы, и кучеру пришлось сказать им, чтобы они преподнесли цветы даме.

Взяв цветы, дама положила их рядом с собой в экипаже. Она не очень-то разглядывала букеты, но мужчина сказал, что цветы — красивые. Потом он снова улыбнулся Класу и Кларе и спросил даму, не кажется ли ей, что дети — забавны.

— Да, — ответила она, — в самом деле, они милы. Поедем дальше!

— Как хочешь, мой друг, — сказал он, кивнув детям.

Кучер закрыл дверцу. Он был жутко старый и, прежде чем влезть на облучок, строго взглянул на детей и сказал, чтоб они не потеряли деньги, а шли бы прямо к отцу с матерью.

— Потому что это — большие деньги, — серьёзно добавил он.

Экипаж тронулся, красивая бледная рука утомлённо помахала им между шторками, на миг показалось в окошке лицо знатного господина, но потом лошади понеслись вместе с экипажем с такой жуткой быстротой, что он тотчас исчез в облаке пыли.

Клас и Клара, совершенно онемев и разинув рты, смотрели ему вслед. Но тут же все дети окружили их, чтобы посмотреть на монеты. И они вскоре наверняка остались бы ни с чем, если бы в тот же миг не примчалась бледная от испуга София.

Но она несколько удивилась, увидев, сколько выручили дети. Удивилась и обрадовалась.

— Это — настоящее золото, — сказала она.

Они пошли домой и стали ждать отца, но теперь уже София не осмеливалась больше бегать к развилке. Теперь она терпеливо сидела дома.

Время шло, и наступил вечер. Альберта всё не было. И вернулся он, когда минуло десять часов и дети уже давным-давно спали в сундуке.

Он попал в беду: крестьянин, конечно, напился до чёртиков на ярмарке и ехал как сумашедший, так что воз на обратном пути опрокинулся в канаву. Весь товар Альберта разбился вдребезги, но какое это имеет значение? Всё равно никто не желает покупать его стекло. Он не продал

ничего. Как всегда!

Никто из богачей не зашел на этот раз к нему в лавку, никто ничего у него не купил. От досады Альберт просто не находил себе места.

София с таинственным видом расхаживала по горнице, но ничего не говорила. Когда же он кончил свой рассказ, она достала золотые монеты, которые получили дети, и показала ему.

— Представь себе, прежние покупатели были здесь, — сказала она.

Альберт вытаращил глаза.

— Тебе ведь нечего было продавать, — сказал он.

— Продавала не я, — рассмеялась она, — а дети. Они собрали цветы и продали их внизу, у дороги.

И она рассказала о шикарном экипаже, в котором ехали знатные господа, пожелавшие купить у их детей, другим не дозволили даже подойти к экипажу. София страшно гордилась этим, но Альберт нахмурился. Прежде всего ему было не по душе, что она оставила детей без присмотра.

А кроме того, ему было горько, что несколько увядших цветочков, оказывается, ценится дороже, нежели его искусная работа. К чему тогда всё его мастерство стеклодува?

Да, вот так и закончилась весенняя ярмарка.

Настало и ушло лето, потом зима, и вот год подошёл к концу.

Альберт и София видели, как меняются времена года, а дети становятся старше, но в остальном всё было по-прежнему. Жизнь бежала старой колеёй.

К добру или к худу, но Альберт по-прежнему выдувал стекло. А работая, он всегда был счастлив. Тогда он не задумывался над тем, как пойдёт торговля. Во время работы он забывал всё на свете и был доволен.

Он хотел бы не выходить из мастерской и не ездить на ярмарки. Но это была единственная возможность продать свою работу, так как в городе его изделия вовсе не покупали, и с выручки за него никому бы не прожить.

София же, наоборот, всегда ждала ярмарку. Там она просто оживала. А нынешней осенью её обещали снова взять с собой. Дети подросли, да и ярмарка в Блекерюде в нынешнем году будет позднее, не раньше конца мая, когда так тепло и чудесно.

София постоянно думала о том, что на этот раз у Альберта всё пойдёт прекрасно. «Когда-то же улыбнётся нам счастье, — думала она. — Когда-то же наступит наш черёд! Так почему бы не в следующий раз?» Да — всякий раз она чувствовала — вот теперь — ТЕПЕРЬ это произойдёт! Альберт продаст все свои кубки и чаши!

Её надежды прибавляли Альберту сил. А когда они нагружали повозку, он и сам уверовал в удачу; так что радостные и преисполненные ожидания, отправились они в путь этим прекрасным майским утром.

А день в самом деле был такой чудесный! Дала уже цвет черёмуха, струившая свой аромат, а пух одуванчика плыл в лучах солнца над ярмарочной площадью. В такой день всё должно быть хорошо!

Казалось, и все думали то же самое. Сколько народу понаехало. И увеселений на ярмарке было куда больше, чем обычно. Какой-то человек привёз кукольный театр. Появилась настоящая карусель, а в одной из палаток выступали шпагоглотатель и укротительница змей. Один шарманщик привёл с собой медведя, а другой — обезьянку.

Детей с родителями понаехало множество! Цыгане — те всегда привозили своих красивеньких малышек, но появились и другие дети, ярмарка так и кишела ошалевшими от радости ребятишками.

Увидев всё это, София сказала Альберту: пожалуй, хорошо, что они взяли с собой Класа и Клару. Им, мол, тоже надо немного повеселиться. И,

ясное дело, Альберт с ней согласился.

Здесь ведь было на что поглядеть детям!

А особенно удивительна была лавка, где продавались куклы. Какая-то старушка понашила всех этих кукол, которые сидели и стояли на полках или свисали на шнурках с потолка. Куклы были большие, иные величиной с маленького ребёнка, и у них были совершенно очаровательные голубые глаза-пуговицы и кудрявые волосы. Платья были так хорошо сшиты, что все, кто их видел, просто диву давались.

Вокруг этой лавки всегда толпился народ: и матери, и дочери стояли, ощупывая платица, поглаживая головки кукол и восхищенно вздыхая. Но куклы были дороги и не всем по карману. Большинству приходилось томиться в ожидании, как пойдут их собственные дела, а уж потом думать о покупке кукол. И только богатые горожане могли купить их сразу.

София с Кларой много раз побывали возле кукольной лавки и уже пришли к согласию, какую куклу купят, если отцу удастся продать свои кубки и чаши.

Это была одна из самых больших и самых дорогих кукол, и ни мать ни дочь не думали всерьёз, что кукла станет их собственной куклой, но ведь мечтать — денег не стоит! У куклы были длинные золотистые косы, а одета она была в роскошный бархатный плащ — чёрный и лиловую кружевную косынку. Невозможно представить, до чего она была красива!

Всякий раз, когда София брала с собой Клару — посмотреть на куклу, — обе они тревожились, не продана ли уже кукла? Но, подумать только, она по-прежнему висела в своём углу, покачиваясь на шнурке. Им казалось, словно она только их и ждёт.

И когда Альберт, в самом деле, продал несколько чаш, Клара начала надеяться всерьёз. И София тоже — может быть, всё-таки...

Другой стеклодув, с которым Альберт делил лавку, само собой, торговал, как обычно, но на этот раз товара у него было не так много. А у людей в этот сверкающий солнечный день было изумительное настроение и рука сама тянулась за кошельком.

Сосед Альберта распродал всё уже после полудня, и тогда люди вместо него пошли к Альберту.

Торговля, в самом деле, пошла бойко, и вскоре Софии пришлось помогать ему.

Вот почему она не смогла всё время присматривать за детьми, а только велела им держаться поблизости.

Сначала они послушались её да так и сделали. Но потом Клара надумала ещё разок взглянуть на куклу.

Она отправилась вместе с Класом. У неё и сомнения не возникало — найдёт ли она дорогу туда и обратно. Ведь она столько раз ходила туда с матушкой!

Но повсюду было столько всего интересного! А сколько людей, бегавших по всей ярмарке — вдоль и поперек! Из одного азарта дети тоже начали, как и все, бегать то туда то сюда. А иногда по дороге им попадались маленькие цыганята, и тогда они некоторое время играли с ними. А потом снова шли, и шли, и шли... и шли...

И вот София заметила, что дети не отвечают, когда она их окликает. Она выскочила из лавки. Никого. Она стала спрашивать во всех лавках вокруг. Там никто ничего не знал. «Но какая же им может грозить опасность? — спрашивали люди. — Дети наверняка явятся. Почему бы им немного не поглазеть на ярмарку?»

В такой благословенный день нельзя бояться!

Нет, конечно, София тоже не очень боялась, но она сказала Альберту, что придётся ему недолго побыть одному, потому что ей надо взглянуть на детей. Она не хотела говорить, в чём дело, чтобы зря не беспокоить мужа. Стоило ей немножко подумать, как она поняла, что Клара отправилась в кукольную лавку.

София поспешила туда. Там, как обычно, было полным-полно народу, но ее детей — не было. Она описала детей и спросила, не видел ли их кто-нибудь. «Нет, они здесь не показывались, во всяком случае недавно». — «Ну так, значит, они уже идут обратно», — подумала София, собираясь поспешно уйти из лавки. Но потом рассудила, что раз уж она всё равно здесь, пожалуй, можно посмотреть, висит ли ещё кукла в бархатном плаще. Может, они всё-таки купят её, если всё пойдёт так, как началось.

Но кукла исчезла...

И София по-настоящему опечалилась. Бедная маленькая Клара, какое разочарование! Надо бы спросить, в самом ли деле кукла продана или её просто перевесили в другое место. И она протиснулась сквозь толпу к старушке.

Ну да, кукла уже продана.

— Ой, какая жалость! Кто же купил её? — спросила София больше саму себя.

Но тут она кое-что услышала!

Старушка рассказала, что куклу купила маленькая девочка. И ей показалось возмутительным, что ребёнку разрешают делать такие дорогие покупки самостоятельно. С девочкой никого из взрослых не было, а один только её маленький брат.

— Дальше некуда! — сказала старушка, — отпустить ребёнка с такими большими деньгами...

Софию охватило дурное предчувствие, и она спросила, как выглядели дети. Сомнений больше не было! По описанию старушки, это были Клас и Клара. София ужасно испугалась. Боже мой, откуда у них деньги?

Она спросила старушку, куда отправились дети, но этого старушка сказать не могла. Она видела только, как девочка, сияя от радости, кинулась из лавки, держа в объятиях большую куклу, а её маленький брат поспешил за ней следом.

Сколько времени прошло с тех пор? Старушка думала, что, пожалуй, прошло не меньше часа. София стремглав помчалась обратно в лавку. Быть может, дети уже там. Ясное дело, они заблудились. Нелегко было им отыскать дорогу в этих толпах людей.

Но и у Альберта детей не было. Он их не видел. Когда София рассказала, что произошло, он побледнел от волнения. Бросив всё, что держал в руках, он отправился на поиски.

Площадь, которую занимала ярмарка, была ведь такой огромной. Они могли уйти довольно далеко.

— Да, разумеется, и не все люди здесь хорошие, — сказал Альберт. — Никогда и не узнаешь, какие люди могут явиться на ярмарку.

София пыталась успокоить его.

Ведь сегодня такой удивительный день! Конечно же, все люди добры и веселы. И он должен понять, что никто не желает зла двум маленьким детям!

Альберт не отвечал. Угрюмый и молчаливый ходил он по ярмарке и искал. Он расспрашивал всех подряд. И все отвечали одно и то же. Здесь ведь дети кишмя кишат. Не легко сообразить, кого именно видел. Но обещали обратить внимание на детей. Да и ничего с ними не случится, ведь хорошо известно, как дети умеют бегать и прятаться.

Но часы шли, день медленно клонился к вечеру. Альберт и София бросили своё стекло на произвол судьбы. Вот что получилось, когда им один-единственный раз удалось продать товар! Видно, они зазнались...

Они блуждали, словно духи неприкаянные, и искали. Теперь уже многие помогали им, когда поняли, что дело выходит нешуточное. Ведь обычно дети так надолго не пропадают, они же хотят есть, не говоря уж о чём-либо другом.

Под конец люди стали обшаривать все повозки, стоявшие в лесу, вокруг ярмарки. На случай, если дети заблудились и пришли туда. Может, они устали, залезли в какую-нибудь повозку и заснули там.

Но и там их не было.

Они исчезли бесследно.

Возле кукольной лавки обрывались все следы. Потом уже ни одна живая душа их не видела.

День был тёплый. А пришел вечер, и стало прохладно. Взошла луна — большая и бледная. А воздух — прозрачно-голубой — наполнился звуками музыки, и песен, и ярмарочных шуток, и забав. Но Альберт и София больше уже не слышали и не видели, что творится вокруг.

София была сама не своя. Она брела, шатаясь, рядом с Альбертом и один раз чуть не случилась беда. Споткнувшись, она упала прямо перед большим элегантным экипажем, медленно прокладывая себе дорогу сквозь толпу на ярмарочной улице. Это был чёрный крытый возок, запряжённый двумя лошадьми. Окошки экипажа были задёрнуты изысканными шторками. Любопытные взгляды провожали экипаж.

Ярмарочный люд, таращивший глаза вслед возку, был бы очень удивлён, знай он, что шторки скрывали от любопытных взглядов двух одиноких детей, крепко заснувших в объятиях друг друга. Большая ярмарочная кукла выскользнула из рук девочки и упала на пол.

И этот вот экипаж чуть не переехал Софию. Кучер, сидевший на облучке, на миг придержал лошадей, они встали на дыбы. Альберт, схватив Софию, притянул её к себе. Кучер бросил рассеянный взгляд на плачущую женщину, которая не поостереглась. Затем поехал дальше, и ему наконец удалось выбраться из толчеи на ярмарочной улице.

Последнее, что он видел, была чудовищно выряженная женщина, которая вынырнула из теней и лунных бликов, и некоторое время словно трепыхала крыльями перед экипажем. На ней был плащ с большой пелериной, отороченной бахромой, и похожа она была на старую птицу.

Когда кучер проезжал мимо, она взглянула ему прямо в лицо таким странным взглядом, что кучеру стало жутко. Не сходя с места, она смотрела вслед экипажу, пока он не свернул. Когда она осталась за поворотом, кучер почувствовал облегчение. Всё это время он ощущал спиной её взгляд.

Путь его лежал сквозь ночь. На север. По неведомым дорогам.

Лес стоял мрачный и такой тихий, что слышно было, как поёт лесовица. Она опасна, эта лесовица, особенно для молодых мужчин. Но кучер не смотрел ни направо, ни налево — он был стар и не поддавался соблазнам.

Они скакали по лунно-белым дорогам через луга, болота и топи, где плясали болотные огоньки. Они скакали, пока луна, побледнев, не исчезла

и ветер не зашумел в зарослях. Настало утро, а они всё ещё скакали. Белые бабочки вихрем кружились над дорогой.

Они скакали сквозь день и ночь, а дети всё время тихо дремали в экипаже...

Часть вторая

*... один — богат другой беден, не делай его бремя
еще горше.*

«Речи Высокого» «Старшая Эдда».

Поразителен был город, в котором стоял этот Дом, город Энскестад — Город Исполнения Желаний — так звался он, но его, увы, уже нет. Он был окружён кольцом зубчатых стен с башнями и омыт водами, ибо стоял на скалистом островке в реке Глёмминнеэн — Реке Забвения — и, сказывают, был неприступен.

Улицы его, мощённые серым камнем и с длинными рядами чёрных фонарей, были пустынно. Бежали они во все стороны — вдоль и поперёк, но там, где должны были стоять дома, ничего не было. Ни одного дома, кроме этого единственного, в городе не было.

По вечерам фонари зажигались, но никто там не ходил, потому что люди, жившие в Доме, выходили на улицу редко, да и то всегда садились в экипаж.

Это был мрачный каменный дом, высокий и могучий в своём одиночестве, угрюмый с виду.

У того, кто основал Город Исполнения Желаний, планы были грандиозные. Он хотел сделать так много, что одних размышлений об этом хватило бы на всю человеческую жизнь. Он дал Городу имя, не более того. Это сын его выстроил Дом и проложил улицы, а затем и ему настал конец. Пришлось завещать остальные деяния потомкам.

Одним из них и был Властитель, который ныне жил здесь. Уличные фонари были его творением. В те времена немногие города освещались уличными фонарями, так что это было очень благородно.

Но потом ему пришлось думать совсем о другом. Ибо жена его, Властительница, была так несчастна!

У неё было всё — красота, богатство, могущество. Муж выполнял малейшие её прихоти. Ей не было нужды страдать в одиночестве, потому что если даже в городе никаких людей не было, то в здешней округе их было великое множество. Но она не желала никого видеть, она жила сама по себе.

Те, кто не любил её, поговаривали: это, мол, только для того, чтобы придать себе значительности. Но они ошибались, она была поистине в отчаянии.

Все жалели Властителя, который был таким добрым и самоотверженным. Он постоянно приходил к Властительнице и тревожно осведомлялся о её желаниях. И что же слышал он в ответ?

— Что толку желать, если всё исполняется!

Или:

— Разве ты не понимаешь, что крадёшь мои желания, когда являешься со своими дарами?

Нет — этого Властитель не понимал. Да и никто другой — тоже. Кто слышал об этом — крестился, да и в самом деле были причины сомневаться, в своём ли она уме.

Властитель Города Исполнения Желаний был молодой и красивый мужчина — и он знал об этом. Он был рождён богатым и могущественным. Ему не за что было благодарить кого-либо в этом мире, ибо с самого начала жизни всё принадлежало ему.

Он любил доставлять людям радость, преподносить подарки и исполнять желания. Это он делал всегда — стало быть, рождён был добрым и хорошим.

Какую радость испытал он однажды, встретив бедную девушку, одетую в лохмотья и не владевшую ничем на свете! Какая радость, сделал эту девушку Властительницей, ввести её в Дом Города Исполнения Желаний!

То была радость, радость без конца!

Благодаря ей, ничем не владевшей и никем не бывшей с самого начала, благодаря ей он вновь переживает остроту счастья, выпавшего ему на долю, — вновь, вновь и вновь...

Единственное, чего он требовал от неё, чтобы у неё всегда было бы наготове какое-нибудь желание, которое он мог выполнить.

Если подумать, требование это было совсем скромным. И наверняка можно было пойти навстречу его воле!

Но она повела себя совершенно непонятно, замкнулась в свою скорлупу и сказала, что у неё никаких желаний нет. Их у неё украли, — сказала она.

Было одно слово, которое Властитель любил больше всех других на свете.

Это было маленькое словечко: «спасибо».

Удивительное слово! Он так любил его слушать и терпеть не мог выговаривать. Он пробовал произнести его, чтобы узнать, каково оно на вкус.

Властительница вышила ему однажды в подарок пару домашних туфель и, отдавая их ему, спросила:

— А что, если бы ты сказал мне «спасибо»?

Сначала он не понял, что она имеет в виду, он только засмеялся. Ему

— произнести... Она, верно, пошутила?

Но она не шутила. Она — настаивала. Она сказала, что он, пожалуй, мог бы попытаться, чтоб узнать — каково это.

И, конечно же, он произнесёт это слово, если это позабавит её.

Но слово застряло у него во рту как ком, казалось, ему никогда не выдавить его. В конце концов он вынужден был выплюнуть слово ей в лицо. Зачем ей было вынуждать его? Она, верно, могла понять, что ему это — гораздо труднее. Ведь у него никогда не было повода произносить подобные слова. Само собой, другим это было легче.

Но он всё равно не перестал любить это маленькое словечко. Наоборот, он заметил, что ему всё сильнее хочется слышать «спасибо». Но в дальнейшем он даже был начеку и тщательнейшим образом остерегался подарков и одолжений Властительницы. Человек он был чрезвычайно спокойный, и надёжный, и сдержанный. Он никогда не совершал никаких проступков. Если б она только пожелала чего-нибудь, всё было бы хорошо!

Но она отказывалась...

Правда, одно желание у нее все же нашлось.

— Я хочу ребёнка, — сказала она. — Я желала бы подарить тебе сына.

Так она сказала. «Подарить» — сказала она, и тогда он понял, что она решила заставить его снова сказать «Спасибо!». Он не позволил себя обмануть, для этого он был слишком умён. Но всё-таки у него прибавилась ещё одна забота. Она высказала желание, и ему следует исполнить его.

А ей следует получить ребёнка, и лучше сына. Впрочем, лучше и сына, и дочку. Разумеется, это желание исполнимо, но бесспорно — нужно было обдумать, как это сделать. Он долго ломал над этим голову.

Потом, постепенно, в памяти его выплыла и начала проясняться некая картина.

На ярмарке в Блекерюде он видел двух маленьких детей, которые привлекли его внимание. Это было пару лет назад. Но потом он снова увидел их прошлой весной, когда они с Властительницей проезжали через Город Беспросветной Нужды.

Дети, стоя у дороги, продавали подснежники, и он купил у них цветы. Один-единственный раз, в виде исключения, Властительница изволила улыбнуться и сказала, что дети — милы. Они ей определённо понравились.

Так вот они, дети: которых он искал! Мальчик и девочка! Властитель был человек не злой, напротив, любой засвидетельствовал бы его доброту.

Но он был ослеплён. Он видел только то, что желал увидеть.

Теперь он видел перед собой стеклодува и его детей. Жену стеклодува он вообще ни разу не видел.

Он нарисовал самому себе картину бедности, в которой живёт стеклодув. Какое тяжкое бремя для него — кормить двоих детей!

Какое же, должно быть, облегчение для несчастного отца, если Властитель отныне возьмёт на своё попечение двух голодающих малюток! Он обеспечит им блестящее будущее. И когда-нибудь их отец поблагодарит его за это, хотя именно сейчас, возможно, не поймёт, что это делается ради блага детей. С этим придётся, к сожалению, считаться. Поэтому отец ничего не узнает, по крайней мере сразу: лучше сначала позаботиться о детях, чтобы он привык к тому, что они исчезли.

А затем можно ведь осторожно поговорить с ним. Или послать ему денег. И деньги залечат его рану.

Но это не к спеху. Сначала он должен успокоиться и осознать, как это хорошо.

Да — этот план был великолепен.

Чем больше думал о нём Властитель, тем больше он ему нравился. А дети — совершенно очаровательны! Разумеется, они вышли из младенческого возраста. Но разве это, по правде говоря, не преимущество?

Ведь в таком случае Властительнице, у которой так легко начинает болеть голова, не придётся страдать от криков детей. Он со своей стороны полагал, что интереснее взять детей постарше, которые, действительно, могут понять, что он для них сделал. Детей, подросших настолько, чтобы сказать «спасибо!».

Он радовался этой мысли и был очень доволен, выйдя из дома и приказав старому кучеру ехать в Блекерюд.

Вот так всё оно и было до того, как Клас и Клара исчезли.

Прошло некоторое время. Клас и Клара жили теперь в Городе Исполнения Желаний, а Дом был теперь их домом. Они стали совсем другими детьми, по сравнению с тем днём, когда они исчезли на ярмарке в Блекерюде. Жизнь их переменялась. Они были теперь богаты и знатны.

Они принадлежали Властителю и Властительнице.

Они принадлежали этому Дому.

О прежнем своём существовании они ничего не помнили.

Они не вспоминали Альберта и Софию и не испытывали никакой тоски, никакого страстного желания вернуться обратно, потому что забыли всё, что было.

Они не знали, что кучер дал им на ярмарке сонное питьё, чтоб они спали всю дорогу.

Когда дети проснулись, то каждый лежал в своей кроватке в большой зелёной комнате. Они не знали, откуда явились и где находятся. Они ничего и никого не узнавали, кроме друг друга. Но они встали и начали новую жизнь, не задавая никаких вопросов.

Чтобы спрашивать, надо знать. Они же ничего не знали. Прошлое возвращалось к ним порой как путаный сон и так же быстро исчезало.

Клас и Клара были хорошо воспитанные дети. Клара теперь всегда носила шёлковые платья, а её коротенькие, упрямо торчащие косички выросли и превратились в длинные красивые волнистые локоны. Клас был одет в бархат.

Они выглядели совершенно так или почти так, как желала видеть их София давным-давно на ярмарке в Блекерюде в ту ночь, когда падали звёзды.

У них были также самые удивительные игрушки, какие только можно отыскать. Кларе не нужно было больше расчёсывать кудель.

У неё были куклы с настоящими волосами. А у Класа была игрушечная лошадка — совсем живая с виду.

Они ели свои любимые блюда до тех пор, пока они им не надоедали и они не придумывали новые. Каждое утро к ним приходила повариха и спрашивала, что они желают откусать. Не так-то легко было отвечать всякий раз на её вопрос. В конце концов они не в силах были придумать новые яства, а грустно поедали старые любимые блюда. Вскоре у них не было уже блюд, которые были бы им полезны. Они начали худеть. Они ели

и ели, потому что были послушными детьми, но всё равно худели. Это была загадка.

Властитель и Властительница всегда были добры к детям, но не обращали на них внимания. Им нравилось, что в Доме — дети, потому что в таком большом доме всегда нужна для украшения парочка детей. Да и на детей весело смотреть, когда они милы и хорошо воспитаны. «Но, разумеется, они не должны занимать слишком большое место — в особенности, если они не твои собственные», — думала Властительница.

Она не стала такой счастливой, какой мечтал увидеть её Властитель, но она радушно приняла их. Хотя всегда говорила, что они — не её дети, а дети Властителя, они его «Затея», — так обычно называла она их.

Вначале она больше занималась детьми. Ей нравилось менять им причёски и заказывать им новые платья. Некоторое время это развлекало её, и когда они стали такими, как она добивалась, им разрешили сопровождать Властительницу в её прогулках по зеркальным залам Дома. Иногда в хорошую погоду им разрешали выходить в маленький садик, расположенный, как одна из комнат, в середине дома.

Но больше всего гуляли они в зеркальных залах. Там гуляли они рука об руку, не смея смотреть ни направо, ни налево, ибо им было велено ходить чинно. Они тревожно смотрели на Властительницу, так что никаких промахов они не допускали. Иногда она останавливалась, и им надо было также останавливаться. Она молча стояла некоторое время, погружившись в размышления и не спуская глаз с зеркала. Но дети, преисполненные ожидания, смотрели только на неё. Ведь иногда случалось, что она оборачивалась к ним и, улыбаясь, говорила:

— Дети, быть может, мне больше к лицу, чем собаки...

Потом она кивала им и снова улыбалась. Это значило, что им разрешают сопровождать её ещё много раз. Она была такой красавицей — Властительница, — но казалась такой печальной. Дети радовались, когда она улыбалась и была довольна ими.

Раньше она всегда гуляла в сопровождении пары огромных чёрных борзых, и это была печальная картина. Она никогда не улыбалась собакам.

Но Класу и Кларе она иногда улыбалась, и всё шло хорошо, пока Клас не уронил ложечку с вареньем на кружевной воротничок, а Клара не измяла платице. Тут они ей сразу надоели, и она сказала Властителю, что собаки, пожалуй, лучше оттеняют её красоту.

И вот она снова начала гулять в сопровождении огромных чёрных собак, которые угрюмо бродили, опустив к полу свои остроконечные морды.

Клас и Клара почувствовали себя несчастными, им так хотелось угодить ей. Да и у Властителя был удручённый вид, но он, как всегда, ничего не сказал, только вздохнул.

Затем дети были большей частью предоставлены сами себе, и им не хватало Властительницы; особенно тосковала по ней Клара. И однажды она, забывшись, закричала: «Мама!» Она тотчас удивлённо смолкла, потому что не знала, ни откуда появилось это слово и едва ли — что оно означало. Властительницу им не разрешали называть мамой. Им никогда не разрешали что-либо говорить, если только к ним не обращались, и тогда им нужно было отвечать кратко. Они говорили: «Да, Властительница!» или «Нет, Властительница!»

Иногда Властитель шутил с ними, и тогда им разрешалось смеяться, хотя не слишком долго и не слишком громко, потому что воспитанным детям так делать не полагалось. Впрочем, ему они большей частью говорили: «Спасибо!»

В Доме были длинные галереи и громадные залы. В покоях легко было заблудиться. Повсюду стояла мёртвая тишина, слышалось лишь эхо собственных шагов. Тогда дети, пугаясь, убегали, и бежали, и бежали, пугаясь всё сильнее и сильнее, но ведь от собственных шагов не убежишь. Иногда наталкивались в залах на кого-то незнакомого. Тогда тоже пугались, хотя и знали, что сюда никто, кроме домочадцев, войти не мог.

Все постоянно ходили так тихо, чтобы у Властительницы не разболелась голова. Да и сами по своей воле учились ходить тихо, тогда и эхо слышалось не так громко.

В Доме было множество лестниц, покрытых мягкими коврами. Там вообще не слышны были ничьи шаги. Клас и Клара часто ходили туда. На лестницах ощущалась своего рода безопасность. Тебя не слышали, ты никому не мешал и никому не попадался под ноги. Они могли часами ходить там, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз. Тогда они играли, воображая, будто Дом — это гора.

Поскольку в городе ни одной живой души не было, не было и детей, с которыми Клас и Клара могли бы играть. И в Дом никогда никого не приглашали. Но Клас и Клара не нуждались и в сверстниках. Они ведь знали только друг друга.

Кроме того, в Доме не раз выпадало на их долю удивительное приключение.

В зеркальных залах им в одиночестве бывать не доводилось. Залы запирали, когда там не прогуливалась Властительница. Но всё равно в Доме было множество зеркал.

Поэтому Класу и Кларе случалось видеть, как в конце галереи движутся им навстречу двое детей. Вот когда они радовались! Они бросались бежать, и дети, идущие им навстречу, тоже бежали до тех пор, пока все они не сталкивались. А сталкивались они всегда перед зеркалом.

Там они останавливались и случалось чудо: прислонившись лбами к зеркалу, они оба — и Клас и Клара — сталкивались нос к носу с похожими на них маленькими детьми. Можно было заглянуть им в глаза, в которых всегда светилась надежда. Они подолгу стояли так, разглядывая друг друга, и вскоре Клас и Клара поняли, что единственные дети, которых они могут встретить в Доме, — это Зеркальные дети.

Вначале всякий раз встречаясь с ними, они меньше ощущали своё одиночество, словно его разделяли с ними недостижимые для них дети, хотя они никогда ничего не говорили.

Но однажды на лицах Зеркальных детей надежда исчезла, там остались лишь тревога и горе, и тогда Клас и Клара испугались.

У них самих было всё и им ведь было так хорошо теперь, что им было жаль Зеркальных детей. Они хотели сделать что-нибудь для них, взять на себя их горести. И они ощутили, что сделали это, сами не зная, как это произошло.

С тех пор они больше не хотели с ними встречаться, они избегали их, они хотели забыть их лица.

На лестницах никаких зеркал не было, там дети могли играть, воображая, будто Дом — это гора. Никакой вовсе не дом, а обычная гора. Там они всегда были одиноки. А если и несчастливы, то не ведали об этом.

Ибо в них жили неведомые горести Зеркальных детей, а не их собственные.

В доме было множество слуг, которые, чередуясь, обихаживали детей. Но прислуга часто менялась, никогда надолго не задерживаясь. Поэтому Клас и Клара никогда не успевали познакомиться с кем-нибудь из них. Они всегда были окружены чужими людьми. Новые лица постоянно заглядывали к ним по утрам, чужие голоса будили их, чужие руки одевали их, причёсывали, накрывали на стол и убирали посуду.

Никогда было заранее не узнать, какими будут эти лица, и голоса, и руки, будут ли они мягкими, дружественными и нежными. Или же шершавыми, жёсткими и опасными.

Вначале Клас и Клара обеспокоенно смотрели на каждую новую служанку, но со временем перестали обращать на них внимание. Они привыкли. Что толку тревожиться или радоваться, в следующий раз всё равно будет другая.

Одной из причин того, что слуги так часто менялись, была их удивительная способность бить посуду. Последнее время детям стало казаться, что они делают это нарочно. Повсюду валялись осколки разбитого стекла. Новое немедленно приобреталось, но с ним происходило то же самое. И невозможно было напасть на след того, кто безобразничал, потому что все как один отрицали свою вину и валили друг на друга. В Доме воцарились подозрительность и враждебность, все шпионили за всеми, но напасть на след преступника не удавалось. Как это происходило, оставалось загадкой. Неужели в этом и вправду был злой умысел?

Властитель и Властительница вначале не обращали на это внимания. Они покупали новую посуду и молчали. Но неведомые злодеи продолжали бить посуду, слуги ходили злые и мрачные, а по Дому целый день разносилась их ругань. Дольше это терпеть было нельзя.

Властитель тайно приказал своему старому верному кучеру постараться узнать, кто бьёт стекло в Доме.

Кучер был стар и необычайно серьёзен. По его застывшему лицу никогда нельзя было понять, о чём он думает. Способность кучера передвигаться быстро и бесшумно была пугающей. Казалось, ноги его, обутые в сапоги, не ступали по полу, а летели над ним. Походка его была стремительной и вкрадчивой. Он скользил по комнатам, словно заводная жестяная кукла на проволоке. И лицо у него было жёсткое и неподвижное.

Кучер был себе на уме. Он, похоже, знал, как уличить преступника.

Первое, что он сделал, это — приобрёл собственный запас посуды. Он расставил бокалы по всему Дому и быстро узнал, где чаще всего бьётся стекло. Вот так кучер и выяснил, где чаще всего бывает злоумышленник. Теперь он расставил стекло повсюду в подозрительной части Дома и стал ждать. Он был похож на паука, который раскинул паутину и поджидает жертву. Двери беззвучно, как бы сами собой, открывались и закрывались. Серое неподвижное лицо кучера заглядывало в приоткрытую дверь и исчезало, чтобы вынырнуть из новой двери в другом покое.

Слуги смотрели ему вслед, качая головой:

— Начинает стареть, — говорили они друг другу.

И вправду, он был стар, но не слишком. Не так много нашлось бы молодых, которые двигались так же быстро, как он. Это было жутко, казалось, он находился одновременно повсюду. Тем удивительнее, что ему не удавалось напасть на след. Это было похоже на колдовство. Бокалы и рюмки разбивались именно там, где кучера не было. Много раз случалось, что он слышал, как что-то разбивается на тысячи осколков в соседнем покое, но когда он открывал дверь, никаких следов там не оказывалось. Комната всегда была пуста, и только осколки валялись на полу.

И он не слышал никаких шагов. Должно быть, этот злодей ходил так же тихо, как он сам. Это был настоящий хитрец!

Невозможно было понять чужую хитрость, но кучер не сдавался. Время от времени являлся Властитель и спрашивал, как обстоят дела, напал ли он на чей-нибудь след. Но старый слуга ничего не говорил. Он был мастер молчать. И это ему пришлось очень кстати теперь, когда и говорить было нечего.

Наконец он придумал очень ловкий ход.

Расставлять бокалы в разных комнатах было ошибкой. Преступник мог выбрать, где нанести очередной удар. Отныне он будет ставить стекло в одном-единственном покое. И не один бокал, а множество их. Он накрыл большой стол, словно к празднику, и поставил полным-полно бокалов и графинов, он поставил также на стол высокие свечи и зажёл их так, чтобы стекло засверкало по-настоящему. Затем он покинул комнату. Он тщательно запер за собой дверь, чтобы никто не заподозрил хитрость. Но ушёл он недалеко. Он забрался в большой пустой шкаф в соседней комнате. Тихонько прикрыл он дверцу, оставив узенькую щёлку, чтобы видеть, если кто-нибудь пройдёт мимо. Но наострил уши, потому что в столовую, где стояло стекло, вела ещё одна дверь и виновник с тем же успехом мог войти через неё.

Итак, он, стоя в шкафу, ждал и ждал без конца. Но никто не приходил.

Ни звука не доносилось из соседней комнаты.

В конце концов в шкафу стало неудобно — он вылез и уныло направился к двери, которую и открыл без единого звука.

И в тот же миг услышал звон разбитого стекла.

Он застыл в дверях. Лицо его, как обычно, ничего не выражало, но руки непрерывно шевелились в предвкушении добычи. Он не верил глазам своим и сдерживал себя ещё некоторое время, так как не хотел упустить ни одной детали того редкостного спектакля, который там разыгрывался.

Столовая погружена во мрак, зима, день клонится к вечеру, тени сгущаются в углах. Но на столе горят в подсвечниках свечи и освещают одно-единственное существо, которое там находится.

Это — Клас.

Он стоит на одном из стульев у стола и держит в руке бокал. Стекло сверкает, и он всматривается в него с удивительнейшим выражением лица. Оно печальное, упрямое и ликующее одновременно. Внезапно он с силой бросает бокал на пол, затем поднимается на следующий стул и берёт другой бокал. И вот он шагает по стульям вокруг стола, пока все бокалы не оказываются вдребезги разбитыми. Затем он слезает на пол, чтобы убежать. Он — босой. Он бежит быстро и тихонько.

И тут путь ему преграждает старый кучер. Он, как тень среди других теней, внезапно возникает перед Класом. Ему остаётся лишь протянуть руку и схватить Класа. Это происходит без единого слова. Ведь кучер — мастер молчать, а Клас утратил дар речи.

В Доме поднимается переполох. Кто бы мог поверить? Слуги, которых несправедливо подозревали, оскорблены и намерены отказаться от места.

У Властительницы начинает болеть голова, и она снова говорит Властителю, что дети — его выдумка и что пусть он сам и заботится о них.

Властитель удивлён. Он повторил это множество раз. Ведь дети — такие послушные и хорошо воспитанные.

— Клас, конечно, понесёт наказание, которое заслужил, — сказал он.

Он долго размышлял об этом происшествии. Затем поговорил с кучером, и тот раздобыл розгу.

Властителю это было досадно, но никуда не денешься, Класа придётся высечь за то, что он натворил. Тогда он больше никогда не станет безобразничать — так считал Властитель и приказал кучеру выпороть Класа.

Однако распорядился сечь не сильно...

Клас снова разбил бокалы. Кучеру пришлось высечь его сильнее. И ещё сильнее. И ещё. Но Клас и не думал прекратить свои безобразия. Кларе

было велено стеречь брата. Всё зря! И это не помогало. Класа было не устеречь. Он выказал удивительные способности. Он был хитёр, как лис, и проворен, как горноста́й. Что на него нашло? Была в нём, должно быть, какая-то слабость. Он терпеть не мог стекло. Но всё-таки отец-то его — стеклодув! Это было слишком странно!

Но, быть может, дети слишком часто бывают одни? Если бы только это!

Властитель решил нанять им гувернантку.

И таким вот образом в их жизнь вошла Нана.

Когда Клас и Клара впервые увидели Нану, она ела.

Властитель подвёл их к столу, где Нана расселась на скамейке, что тянулась вдоль длинной стороны стола. Было это в сумерки, свет ещё не зажигали, и столовая была погружена во мрак. В вырез платья Нана засунула кончик большой салфетки, ослепившей их своей белизной. Сначала они видели только салфетку. Потом, подняв глаза, они заглянули в гигантский широко открытый рот, где катался и перемалывался кусок белого торта.

Словно зачарованные, смотрели они, как Нана поедает этот кусок торта, как захлопывается бездонная пасть, как расплывается она в кровожадной улыбке.

Нана сказала им: «Добрый вечер!», и Властитель оставил детей на её попечение.

В этот момент слуга внёс новое блюдо. Нана окинула кушанье и детей одинаковым испытующим взглядом. «А съедобны ли вы?» — говорил её взгляд.

Блюдо пришлось ей по вкусу, вопрос же о детях остался нерешённым. Они встретили взгляд её маленьких опасных глазок и сразу же поняли: бедные они, несчастные!

Что она думала о них, не имело никакого значения. Нравятся они ей или нет — дети должны быть уничтожены. Да, такая она была!

Нет на свете слов, чтобы описать размеры Наны. И телом и духом была она необъятна!

Властитель полагал: чем толще гувернантка, тем лучше. Поэтому он и выбрал Нану.

Он сказал, что не желает больше никаких хлопот с детьми. И с того дня, как появилась Нана, он их и не знал. Никогда больше не придётся ему заботиться о них. Теперь ему не нужно было даже их видеть, если ему не хотелось, потому что дети отныне были словно прикованными к Нане. Она ни на миг не теряла их из виду.

Отныне у Класа и Клары не осталось ни минутки собственной жизни, они жили жизнью Наны. Точь-в-точь как маленький немой какаду, бедняга сидел в клетке у Наны!

Это была маленькая запуганная птица, внимательно прислушивавшаяся ко всему, что говорила Нана. Какаду боязливо кивал

всякий раз, когда Нана к нему обращалась. Он судорожно моргал маленькими испуганными глазками и вертелся, и крутился без устали.

Родился ли какаду немым или же утратил дар речи под шквалом слов Наны — неизвестно. Единственный звук, который он издавал, был пронзительный вскрик, проникавший до мозга костей.

К счастью, кричала птица нечасто, только иной раз во сне. От этого крика кровь стыла в жилах. Казалось, всё горе мира слышится в этом крике.

Этого какаду звали Мими.

Клас и Клара охотно подружились бы с Мими, но птице было не до того. Взгляд Мими всегда был прикован к Нане. На детей Мими никогда не смотрел, казалось, он не замечал, что они вообще существуют.

Но вскоре то же самое случилось с Класом и Кларой. Им пришлось жить, не сводя глаз с гувернантки, — иначе им пришлось бы худо.

Кормить Нану приходилось каждый час. Накрывали большой обеденный стол, и Нана усаживалась у его длинной стороны, а Класа и Клару сажала напротив. Стол ломился от яств, потому что для Наны не было большей радости, чем придумывать новые лакомства. Дети же послушно ели, когда им велели, а всё остальное время с нежностью смотрели в серебряные тарелки и с такой же нежностью — в гигантскую пасть Наны.

На столе возле Наны стояла клетка, и Нана непрерывно кормила Мими финиками, которые доставала из мешочка. Мими ел, ел и глотал, глотал и ел, так же послушно и красиво, и точь-в-точь так же серьёзно, как маленький школьник, вкушающий плоды науки из рук учительницы. Он мог съесть фиников — без счета. Просто загадка — как это получалось, ведь Мими был птицей не из крупных.

После еды Нана принималась зевать, становилась сонной и срочно отправлялась на боковую, чтобы переварить пищу. У Мими тоже взор становился мутным, и он принимался зевать следом за Наной.

В детской стояла кровать под балдахином. Там отдыхала Нана. Стоило ей лечь, как она тут же засыпала. А когда она спала, словно ураган проносился по комнате — шелест, свист и шум, а под конец — раскаты грома.

От её дыхания шторы развевались, словно паруса, а кровать качалась, как корабль в бурю.

Клетка Мими, висевшая на крюке под балдахином, сильно раскачивалась, но Мими, сунув голову под крыло, спал так же послушно, как всегда. Ему и в голову не приходило проснуться раньше Наны.

Класу и Кларе, само собой разумеется, тоже приходилось лежать в постели, но заснуть они не могли. Они лежали перепуганные насмерть и словно парализованные, пока шторм в детской не утихал и Нана не просыпалась. Спала она не больше четверти часа, и Мими просыпался вместе с ней.

Выспавшись, Нана была ужасающе бодрa и опасна. Тут-то она и принималась воспитывать детей.

У неё был огромный чемодан, откуда она вытаскивала кучи книг, счётных палочек и грифельных досок. Детская превращалась в школьный класс.

Затем она начинала допрашивать Класа и Клару, задавая им вопросы из книг.

Она перескакивала с одной темы на другую, с одной книги на другую. И всякий раз так громко захлопывала книги, что дети высоко подскакивали. Этому не было конца. Они чувствовали себя маленькими дурачками. Они ничего не знали. Ничего не могли. Ничего не понимали.

Но настоящее воспитание начиналось, когда она понимала, какие болваны эти дети. Она неистово носилась взад-вперёд и размахивала руками. Маленькие очки на кончике её огромного носа подпрыгивали как живые.

Из рта её лились потоки упреков и бранных слов. Затем, остановившись внезапно посреди детской, она кричала: «Повторить, что я сказала».

Ответом была неуютная тишина.

Перепуганные насмерть дети стояли прижавшись к стене, чтобы Нана не сокрушила их. Они застывали, как камень. И мысли застывали у них в головах.

Бедные дети молчали, и тогда Нана безжалостно щипала их.

У неё, у этой Наны, были на удивление маленькие ноги и руки, но, должно быть, ноги были сильные, если носили такую тяжесть. Да и пальцы у неё были крепкие, уж это Клас и Клара хорошо знали.

Каждый раз, когда Нана наказывала их, она говорила, что такие трудные дети никогда не попадали ей в руки. «Их невозможно чему-либо научить», — вздыхая, говорила она. Да, они были — безнадёжны!

Но всё-таки хуже всего были уроки пения. Тогда детям хотелось бы лишиться голоса, как Мими. От Наны на этих уроках не было никакого спасения.

Вообще, она должна была стать певицей, рассказывала гувернантка, если бы людям медведь на ухо не наступил. А теперь она послушает, не

наступил ли медведь на уши Класу с Кларой.

Она останавливалась посреди комнаты и приказывала им внимательно слушать. Она начинала петь, полагая, что они будут ей подпевать. Но она пела так громко, так громко! И от испуга у Класа и Клары слова застревали в горле. Они издавали лишь тоненький хриплый писк.

Нана находила, что им тоже медведь на уши наступил. А такие уши — необходимо щипать. «В жизни своей никогда не видала таких немusикальных ушей», — говорила она и тут же принималась щипать детей за уши.

Так проходил в Доме день за днём.

Сидя за столом, Клас и Клара смотрели, как Нана ест. Лежа в кроватях, слушали, как Нана спит. В ужасе прижимались к стене, когда Нана начинала их воспитывать.

Быть на попечении Наны — значило быть во ВЛАСТИ Наны.

А Властитель и Властительница были довольны гувернанткой. Им особенно нравилось, что она ещё и учила детей, хотя это не входило в её обязанности. Бесконечные уроки пения были, возможно, чуточку обременительны, поскольку Нана всегда пела не жалея сил; но что же она могла поделать, если детям медведь на ухо наступил? Теперь они должны упражняться как можно чаще и это — не её вина. Да и бокалы перестали разбиваться с тех пор, как в Доме появилась Нана. Ничего не скажешь, Нана была само совершенство.

Одно было плохо. Можно было стерпеть её прожорливость, но то, что она насытившись, немедленно засыпала, было не очень-то приятно. Храп и сопение наполняли Дом. Пусть бы спала — лишь бы сон её не был столь громогласен. А на что тут пожалуешься? А если кому-то кажется, что у него треснет череп — тут уж ничего не поделаешь. Все внимали чудовищным звукам, и жизнь в Доме замирала на четверть часа. «Нана спит!» Казалось, надвигается гроза.

Да! Вот каково было в Доме, когда Нана отправлялась соснуть. Хуже всех приходилось Властительнице, ведь её комната находилась как раз под детской. Таким образом, ураган проносился прямо над её головой. А она и не думала перебираться в другие покои из-за Наны. Всё-таки это было бы уж слишком.

Вместо этого она предложила перебраться Нане и перевести детскую в другой конец Дома, но Нана и слышать об этом не желала. Она резко заявила:

— Нет!

Детская ей подходит. Здесь у неё чемодан с книгами, здесь у неё — сундук с нарядами, которые она носила бы, стань она оперной певицей. И она стала бы ею, если бы медведь людям на ухо не наступил, — вот как она ответила Властительнице и посмотрела на нее так грозно, что та отступила. Не обсуждать же с Наной людские уши.

При случае Властитель попытался было спокойно заметить, что, если на то пошло, и сундук, и чемодан можно легко перенести. Но тут и его окинули таким взглядом, что он задрожал.

— Не стану я перебираться! — загремела Нана, и больше об этом речи не было.

Пришлось искать другой выход из положения.

И вот однажды Властитель вернулся домой с гигантской банкой пилюль, которые якобы помогли ему от храпа. «Они — звукоприглушающие и наверняка помогут и Нане», — думал он. Теперь дело только за тем, чтобы заставить её принимать их. Она очень чувствительна, только бы не оскорбить её!

Но как-то утром она пожаловалась на усталость, и тогда-то Властитель принёс банку с пилюлями и вручил ей. Он сказал, что пилюли эти — бодрящие и что надо принимать их всякий раз за едой.

Нана приняла пилюлю, и все с нетерпением ждали результата. И вот вместо четверти часа она проспала полчаса — это был единственный результат. Шум был тот же самый. Затем она явилась и, поблагодарив Властителя, обещала принимать пилюли, поскольку чувствует себя гораздо бодрее. Вот так заявила она.

Это означало, что отныне Дом цепенел от её храпа на полчаса.

Катастрофа!

Теперь уж Властительнице пришлось принимать успокоительные таблетки и затыкать уши; она побледнела и исчахла. И ничего не поделаешь! Считалось, что у Наны великие заслуги, и весь Дом должен к ней приспособливаться. Так говорили, но на самом деле гувернантку все боялись и никто не осмеливался уволить Нану. Все понимали, что она останется здесь столько, сколько захочет. По правде говоря, в Доме распоряжалась именно она.

Её чудовищный сон пошёл на пользу только Класу и Кларе. Часы её сна были для них подарком. Краткой отсрочкой перед продолжением мучений. Что ни говори, Нана была безопаснее всего во сне. И для детей целых полчаса её сна были просто благодатью.

Мими, разумеется, спал ровно столько же, и лишь только они засыпали, дети выбирались из кроваток и удирали из детской, но когда Нана просыпалась, они снова послушно лежали там. Они ужасно боялись опоздать, потому что эти минуты были единственными минутами свободы.

В Доме, правда, делать особенно было нечего, но они были свободны, и этого им поначалу хватало.

Как обычно, они шли на лестницу и играли в свою старую игру: будто Дом — это гора. Но каким-то образом гора за последнее время стала опаснее. С каждым днём она словно росла и становилась всё мрачнее, всё ужаснее и всё угрюмее. Уже стало невозможно делать вид, будто это — та же старая гора.

Теперь гора таила опасность. Она непрерывно грохотала, словно в недрах её воровчалась великанша, спящая великанша, которая того и жди

проснется.

Клас сказал, что хочет играть в такую игру, будто они выбираются из этой горы. Он не хочет только подниматься в гору и спускаться.

Пора наконец выйти из этой горы! Но Клара не знала, как играют в такую игру.

Может, такой игры и нет. А может, есть такая гора, из которой никогда не выйти...

В общем, они уже не знали, во что им играть.

Они стояли в самой середине Дома на двойной лестнице, грохот вокруг них то нарастал, то стихал. И вдруг дети поняли, как они одиноки. И не только одиноки — иногда хочется побыть в одиночестве, — они никому не нужны, а это куда хуже.

Только теперь почувствовали они, что этому Дому нет конца, что сами они становятся меньше и меньше. Дом поглотил их, им никогда не выбраться отсюда. Так казалось им, когда они сидели на лестнице.

И вот тогда сквозь шум и грохот донеслось до них — сверху, снизу, со всех сторон — частое слабое тиканье. Они напряжённо прислушались. Это тикали часы, отмерявшие время в Доме. Во всех покоях были часы. А как раз там, где сидели дети, слышно было, как все часы тикают одновременно. Казалось, будто эти звуки назначали друг другу встречу именно здесь. И Клас и Клара жадно прислушивались; в этих звуках таилось утешение, маленькая надежда.

Грохот не мог заглушить тиканье. Часы не сдались. Они тикали так, словно от этого зависела их жизнь.

Покоясь в своей кровати, Нана, быть может, почувствовала во сне, что дети слушают не её храп, а что-то другое. А этого она допустить не могла. Одним-единственным вздохом заставила она немедленно смолкнуть все часы в Доме. Словно волна, достающая до небес, поднялся ввысь грохот и заглушил, потопил все остальные звуки. Снова властвовала только одна Нана.

Клас и Клара поднялись и взяли друг друга за руки. Они медленно поднимались по лестнице в таком отчаянии, какого никогда раньше не знали. Теперь всем надеждам — конец. Часов и то больше не существует. Нана победила даже время. В вечности вечностей будет слышна лишь она одна.

Они направились в коридор, где давным-давно встречались с Зеркальными детьми. Это было ещё до появления Наны. И однажды взяли они на свои плечи горести Зеркальных детей, потому что собственных горестей у них не было. Но теперь у Клары и Класа их было достаточно.

Они стали самыми несчастными детьми во всём мире. И они подумали: может, Зеркальные дети теперь помогут им? Может, они снова стали весёлыми?

Да, им надо встретиться с Зеркальными детьми!

Они побежали, но быстро выбились из сил. Коридор был очень длинный, они шли и шли. Почему дети не шли им навстречу?

Они не видели никаких детей. Они подошли к тому самому зеркалу, где обычно встречались с ними и стояли, прижавшись лбами друг к другу, и разделяло их только стекло.

Но они так никогда и не увидели больше Зеркальных детей. Зеркала были пусты.

И тогда Клас и Клара поняли, что их тоже нет на свете.

Властитель переходил от окна к окну, проверяя, зажжены ли его уличные фонари. Он делал это каждый вечер. Они были зажжены всегда, но он всё равно присматривал за ними.

Сверху, из Дома, фонари походили на бледные лимонные зернышки, тянувшиеся рядами, так что сразу было видно, если какой-нибудь погас. Но, как уже говорилось, этого никогда не случалось, и всё так же всякий раз радовался Властитель.

А вообще-то радостей у него было немного.

Властительница хворала, она не покидала постели. И как бы врачи ни уверяли ее, что она здорова, она отказывалась вставать.

Ничто больше не могло развлечь её. Ничто.

Властитель ходил взад и вперёд по комнатам и размышлял. Человек он был спокойный и никогда не терял самообладания, но теперь ему казалось, что всё зашло слишком далеко. Он делал всё, но ему никогда не отвечали благодарностью. Он определённо был единственным умным человеком на земле. Единственным, кто понимал, что происходит с Властительницей, был он.

Она не умела *желать*, вот и вся болезнь. Ясно как день! Но заставить её саму понять это невозможно!

Когда он заговаривал с ней, она только вздыхала, или фыркала, или ударялась в слезы. Она никогда не благодарила его за детей. Собственно говоря, ему бы следовало отослать их обратно, раз она так неблагодарна, но теперь ведь они принадлежат Дому. Он даже нанял им гувернантку.

Да, Нана...

Он беспокойно ходил от окна к окну. Нана тоже принадлежала его Дому, от неё нельзя избавиться. К счастью, Властительница это понимала. И Нана ведь человек изумительный, когда не спит. Вот именно — когда не спит, когда не спит... Властитель, нахмутив лоб, повторил это множество раз.

Потому что Нана как раз заснула, и мысли замерли у него в голове. Отойдя к ближнему окну, он снова пересчитал лимонные зернышки. Цифры путались в его голове, ему казалось, зернышки прыгают, но он всё равно считал; надо же делать что-нибудь, покуда Нана спит.

Когда она проснулась, он снова вернулся к своим мыслям.

Властительница сказала кое-что, и он не знал, как это истолковать. Это

было недавно. Он, как обычно, умолял её попытаться что-нибудь пожелать — тогда, мол, всё снова будет хорошо.

И тогда она ответила:

— С таким же успехом ты мог бы просить меня поколдовать.

Что она имела в виду? Вероятно, желать и колдовать — не одно и то же! В другой раз он спросит её, почему она так сказала, но она только заплакала. И потом он всякий раз спрашивал её, но не получал ответа.

А вот вчера она внезапно ответила:

— Знаешь, дорогой, мне кажется, только колдовство заставит меня пожелать ещё что-нибудь в этой жизни.

Колдовство! Какое ещё колдовство? Он попросил её выразиться чуточку яснее, но она только сказала:

— Я имею в виду то, что говорю. Колдовство.

Нелегко было это понять.

Как-то надо вызнаться у неё это. Он ходил от окна к окну и размышлял. Ему, в самом деле, было нелегко.

Настроение всех в Доме омрачилось. Зависело это от двух причин.

Немой какаду Наны кричал во сне. И снова начало разбиваться стекло. Это было ужасно. Мими кричал много раз в день. Единственной, не страдавшей от этого, была Нана, даже не просыпавшаяся от крика. Она утверждала, что Мими кричал только потому, что был недоволен детьми.

— Он всегда кричит, когда дети — глупые, — говорила Нана.

И Класу и Кларе становилось стыдно. Крик был кошмарный, жуткий, предвещающий беду, невыносимый.

А стекло разбивалось тоже, когда Нана спала. Посуды разбивалось не очень много, зато часто, иногда несколько раз в день. И как это происходит, оставалось совершенной загадкой, потому что осколки больше не валялись на полу. Разбитые бокалы лежали на своём месте. Да, даже в горке, где хранилось стекло, оно и разбитое лежало иногда красивыми рядами.

Все это было таинственно. Кучер снова начал шпионить, но никак не мог ничего обнаружить. Как он ни расставлял свои ловушки, никто не попадался. Он подозревал Класа, но ему не удавалось поймать мальчика с поличным.

Он решил, что не может ничего придумать. Бокал разбивался прямо у него под носом, а он и следа Класа не видел. Это было уже слишком, он почувствовал себя никуда не годным и погрузился в размышления.

Так проходила эта зима, чёрная, не приносящая утешения зима — без снега, без солнца, без луны и без звёзд.

По Дому бродил Властитель, пересчитывая свои фонари, там по своим

углам бродил, ломая руки, кучер. И там крались тайком по лестницам или коридорам Клас и Клара в поисках Зеркальных детей. Там кричал Мими. Там разбивалось стекло. Пока Нана спала, а Властительница плакала.

Ав городе, где обитали Альберт и София, жизнь шла своим чередом.

С деревьев опадали листья и появлялись свежие, цветы увядали и вырастали вновь, птицы улетали и возвращались.

Однако Клас и Клара так никогда и не вернулись обратно.

София в раздумье расхаживала в их лачуге, а Альберт был прикован к своей мастерской. Он вынужден был продолжать работу. Но чаши, которые он выдувал, всегда походили на крупные блестящие слёзы. Ни одна не была похожа на другую, но все они, каждая по-своему, напоминали слёзы. Как уж это получалось, неизвестно, но сам он этого не замечал.

И он не знал, как это случилось, что каждый его бокал тут же покупали на ярмарке. Теперь ему было не напасть на товар.

Альберт становился знаменитым. Люди приезжали издалека, чтобы купить у него стекло.

Он взволнованно наблюдал, как люди всплескивали руками и вздыхали при виде красоты его чаш. Он с изумлением наблюдал за этим. Они так бережно брали их в руки, словно они по меньшей мере были из золота. Глядя на это, он только качал головой.

Люди чувствовали, что здесь кроется тайна. Альберт не мог взять в толк, в чем тут дело, но они чувствовали, что горе мастера делает его чаши ещё краше. Люди легко переносят чужие слёзы — только бы они были красивы с виду.

Но успех не радовал Альберта. Он не замечал, что становится знаменитым мастером. Он не видел людских поклонов и был глух к людской лесте.

Он думал только об утраченных детях.

Он чувствовал: в том, что они исчезли, виноват он. Он один знал предсказание Крылатой. Она нагадала, что дети исчезнут, а он допустил, чтобы это случилось. Сначала он испугался, но потом не поверил — только потому, что сразу ничего не произошло. Как он мог быть таким наивным!

А теперь Крылатая не пускает его на порог к себе, он для неё — пустое место, она больше ни словом с Альбертом не перемолвилась.

Да, он понимал её. В городе она заявила, что навсегда покончила с гаданием. Не стоило даже ходить к ней.

Дома, в лачуге, София точно так же упрекала самое себя.

Это она навлекла на них несчастье. Это случилось, когда она сказала,

что дети больше в тягость. Это была кара за её слова. Такие слова никому не проходят безнаказанно. Днём и ночью мучила её мысль об этом. Она поджидала Софию каждую минутку, когда не спала. Да и во сне мысль эта возвращалась ночными кошмарами. Да — виновата она, она и никто другой.

Но было и нечто другое, мучившее её. Она сама не могла уяснить себе, что именно. Но ощущение — она забыла нечто важное — беспрестанно преследовало её. Просто необходимо было это вспомнить. Иногда ей казалось: стоит лишь вспомнить, и всё разрешится само собой.

Что она могла забыть?

Порой она беседовала об этом с Альбертом, но он лишь головой качал. Она слишком много размышляет, говорил он, что толку в этом? И, вероятно, был прав, она просто внушала себе эту мысль.

И всё-таки случалось, что к ней приходила уверенность: да, да, именно так! Она владеет разгадкой тайны! Она должна найти её, эту разгадку!

В следующий миг уверенность исчезала, и она ещё сильнее ощущала свою безутешность. «Если что-то забыл, то, верно, знаешь, что именно», — говаривал Альберт. Он считал, что она попусту себя мучает.

Однажды ночью София проснулась; сердце её безудержно колотилось. Она спала глубоким сном, и ей что-то приснилось, но вспомнить свой сон не могла.

Беспокойство выгнало её из кровати, сердце дико стучало. И она, сама не зная как следует, что делает, подошла к маленькой колыбели, всё ещё висевшей перед очагом.

Много разных мелочей лежало в колыбели. Свисала вниз, отсвечивая золотом, льняная кудель; София лихорадочно искала и искала, сама не зная что.

Внезапно под руку ей попался какой-то маленький холодный твёрдый предмет. Вытащив его, она подошла к окну и села там, где в комнату заглядывал месяц. Неведомый предмет лежал у неё на ладони.

Кольцо, которое она однажды получила в подарок от Альберта на ярмарке! Кольцо с зелёным камнем! Ах, как давно это было...

Надев кольцо на палец, она задумчиво разглядывала свои руки. Теперь она чувствовала себя спокойнее и, озарённая светом месяца, вспомнила. Какая удивительная ярмарка была в тот раз! Альберту и ей было так весело, так весело...

Почему она перестала носить это кольцо? Какая она глупая... Тем, что так красиво, нужно, верно, пользоваться.

Как мило, что Альберт подарил его ей, хотя в то время денег у него

совсем не было. Погружённая в свои мысли, она рассеянно вертела кольцо.

Внезапно взгляд её снова устремился на кольцо.

Теперь-то она вспомнила, почему убрала его... оно тревожило её.

Точь-в-точь как сейчас. Вновь вернулось странное ощущение, что камень напоминает глаз и что глаз этот моргает... Некоторое время она не смела шевельнуться.

Затем она подставила перстень лунному свету, чтобы лучше разглядеть камень. Её затрясло от страха. Её испугал блеск камня. Он был необычайно глубоким, ужасно печальным, и было в этом что-то нечеловеческое.

Через некоторое время камень снова моргнул. Это было гадко.

Быстро стянув с пальца кольцо, она отбросила его от себя на подоконник. Она не осмеливалась больше смотреть на него. Сердце её быстро колотилось. Что это значит? Она сошла с ума?

Она подумала о старичке, продавшем им кольцо. «Страшный был старичок! А не мог он заговорить кольцо?»

Нет — нужно успокоиться, это она просто сидит тут и снова внушает сама себе...

Хотя было всё-таки что-то странное в этом старичке! Куда он потом девался? Никогда ни прежде, ни потом они его на ярмарке не видели.

Ну а Крылатая — почему она так удивительно повела себя при виде кольца? Как всё это было?

Не хотела ли старушка просто-напросто завладеть кольцом?

София ведь пришла туда, чтобы ей погадали, но Крылатая не захотела гадать... А что было потом?

Да — как всё было потом?

И снова Софию охватила уверенность в том, что она единственная владеет разгадкой этой тайны. Сильнее, чем когда-либо, почувствовала она, что вот она — эта тайна, она — здесь, стоит только протянуть руку...

Но где она — где? Её всё ещё трясло, но она спокойно сидела, ожидая... потом, сама не зная как, протянула она руку к кольцу, взяла его.

И тут она вспоминает... Словно молния, мелькает в голове воспоминание. Она знает, что она забыла. Да — наконец она знает! Она глубоко вздыхает. Лунный свет трепещет.

И последний раз погружает она взгляд в самую глубь зелёного камня. Издалека-издалека слышатся ей забытые слова Крылатой, её губы тихо повторяют эти слова: «У тебя на пальце — кольцо, София. Если тебя когда-нибудь постигнет беда, пришли мне это кольцо, и я помогу тебе, где бы ты ни была. Не забывай мои слова! Пришли мне кольцо!»

Она трепещет при воспоминании об этом и целует кольцо...

Через некоторое время она встала, оделась и вышла навстречу свету
месяца.

Город был погружён в сон.

Но на вершине Холма Висельников светилось под яблоней окошко.

Ухала сова.

Яблоня цвела.

Ночной ветер носился над горкой, так что лепестки падали как снег.

Огонёк на вершине чуть трепетал.

Сова что-то кому-то кричала, но не дождалась ответа и ухнула снова.

София шла, озарённая лунным светом, она бережно держала кольцо в
руке, не надевая его на палец...

Время было за полночь. Крылатая сидела в своей лачуге, склонившись над ковром, который ткала. Она задумчиво вглядывалась в его узор, словно что-то там искала. Свеча почти догорела в подсвечнике. Крылатая взяла её и осветила ковёр, свеча громко трещала.

На верхней перекладине ткацкого станка сидел ворон Разумник и глядел в окошко; он разглядывал цветы на яблоне, которые так мягко и красиво облетали в лунном сиянии, он слушал, как ухаёт сова.

Крылатая, вздохнув, поставила обратно свечу. Разумник перевёл взгляд на луну, а женщина посмотрела на него.

— Глядишь на луну, Разумник? — тихо спросила она.

— Да, — ответил Разумник, — но я её не вижу.

— Ну, конечно, ты ведь видишь только солнце, — сказала Крылатая и задумчиво погладила рукой тканьё.

Через некоторое время она спросила:

— Ты летал в Город Исполнения Желаний? Почему я ничего не знаю о том, как там было?

Разумник сидел, по-прежнему устремив взгляд на луну. Он не ответил.

— Я послала тебя, потому что хотела знать, что ты увидишь, — сказала женщина и снова беспокойно передвинула свечу.

Слегка поколебавшись, ворон ответил, что ничего и никого, кроме детей, не видел.

Крылатая в замешательстве посмотрела на него.

— Вообще ничего и никого? — спросила она. Нет, Разумник ничего не видел. Казалось, вопрос этот его встревожил, и Крылатая не стала больше спрашивать, но, как видно, огорчилась.

Она знала, что это означает, если Разумник ничего не видел своим добрым глазом. Ворон становился слепым, когда ничего Доброго и Красивого просто не было.

С ужасом спросила она себя, что бы он там увидел, если бы сохранил второй глаз, глаз, видевший на свете только Зло.

Её охватило внезапное беспокойство, и она подняла свёрнутый в трубочку небольшой листок бумаги, валявшийся на полу. Разумник подобрал его некоторое время тому назад. Это было объявление, которое он нашёл; оно было прибито к дереву за дорогой.

Крылатая уже читала его много раз, и от раза к разу её раздражение

росло.

В объявлении корявыми буквами было написано:

Немедленно требуется:

СВЕДУЮЩАЯ В КОЛДОВСТВЕ ЖЕНЩИНА, лучше пожилая, мудра, как Соломон, не чуждая астрологии и другим магическим наукам.

Предоставляется отдельное жильё с телескопом.

— ВЛАСТИТЕЛЬ —

Почему Разумник притащил именно это объявление? Ведь на деревьях вдоль дорог всегда полным-полно разных объявлений.

Он вообще-то никогда не обращал на них внимания.

Что общего у неё с этой бумажкой?

Она послала ворона в Город Исполения Желаний, чтобы разузнать, и вот он вернулся, а рассказать ему нечего. Он что-то скрыл от неё? Сегодня он был на удивление молчалив.

Как бы там ни было, она туда не собирается. Всё в ней восставало против мысли об этом. И она с раздражением отбросила свёрнутый в трубочку листок.

— Соломоновского склада, — фыркнула она, как бы обращаясь к самой себе, — это ещё что такое?

— Мудрая, как царь Соломон, — тотчас же объяснил Разумник.

— Да, да, — нетерпеливо сказала Крылатая, — я, во всяком случае, не поеду. Раз я ничего не могу услышать и узнать от тебя.

На что ворон спокойно ответил:

— Лучше увидеть, чем услышать.

— И это говоришь ты...

— У умного — длинные уши и короткий язык, — сказал ворон, сунув голову под крыло в знак того, что его речь — окончена.

Но Крылатая покачала головой: ясно, что Разумник по какой-то причине хочет заставить её отправиться в Город Исполения Желаний, но ей этого не хотелось.

Вздохнув, она взглянула на своё тканье. Она не радовалась этой работе, узор был запутанный и ткать с каждым днём становилось всё труднее. Это чрезвычайно беспокоило её, и с узором она не справлялась. Труднее узора ей ткать не приходилось.

Похоже, Разумнику захотелось спать. А Крылатая погрузилась в раздумье. Свеча мерцала. Время шло.

Снова заухала сова.

Разумник вздрогнул, а Крылатая оторвала взгляд от своей работы, они посмотрели друг на друга и прислушались. Было тихо...

Но тут раздаётся частый стук в дверь.

Они сидят неподвижно каждый на своём месте. Тут снова раздаётся стук, а затем стучат уже непрерывно. Ворон не шевелится, Крылатая поднимается и медленно идёт открывать дверь. Она идёт тяжёлыми, усталыми шагами, меж тем как в дверь стучат так, словно дело идёт о жизни и смерти. Преисполненная неясных предчувствий, она некоторое время, прежде чем отодвинуть засов, держится за дверь. В душе её смятение и тревога. Она чувствует, что нынешней ночью действуют тёмные силы, и она ещё не знает, подвластны ли они ей.

В дверь стучат. И она отворяет.

В открытую дверь вливаются потоки лунного света. На пороге стоит София, жена стеклодува. Она очень бледна и тяжело дышит.

От лунного света светло, и они безмолвно разглядывают друг друга, они читают на лицах друг друга.

София быстро протягивает руку.

— Вот, — задыхаясь шепчет она, — вот кольцо...

Крылатая не отвечает, но берёт кольцо. Она смотрит на него и быстро засовывает в карман юбки.

Их глаза снова встречаются. Глаза Софии — круглые, тёмные, боязливо-умоляющие, однако глаза Крылатой — не такие, как всегда, — не похожи на цветы и нет в них синевы крокусов.

Быть может, это лунный свет наполняет её глаза угрожающей силой. Что-то новое появляется в ней в этот миг — что-то непохожее на неё. Вся она будто вырастает, и отблеск непостижимости, глубочайшей тайны осеняет её. София чувствует это и хотя и трепещет, но преисполняется уверенности. Она хочет напомнить прорицательнице её обещание, но слова замирают у неё на устах, и она понимает: слова ей нужны. София только кивает, поворачивается и бежит вниз с холма, переполненная необъяснимой радостью. Есть надежда... Чудеса свершаются... Теперь и всегда...

Крылатая оставляет дверь широко открытой и возвращается в горницу — лунный свет, словно шлейф, стелется за ней.

Свеча уже почти выгорела, и Разумник снова сунул голову под крыло. Крылатая постояла немного, разглядывая его.

Затем она подошла к ковру и пальцем проследила путь извивающейся тёмной нити в узоре. Она снова была спокойна, и губы её шевелились, принимая форму прекрасных и загадочных слов. Ничто в узоре не казалось ей больше запутанным, всё было на удивление легко понять.

Нить за нитью её палец следовал таинственными тропами узора, и таинственная сила, что исходила от этих нитей, переполняла её. В её душе больше не было сомнений. Она выпрямилась, снова взглянула на Разумника — он был прав, — взяла бумажную трубочку и решительно бросила её в огонь, вспыхнувший на миг.

— Тогда отправляемся, Разумник, — сказала она спящему ворону и посадила его в клетку. Он не проснулся.

Она надела плащ с пелериной, шляпа была уже на ней. Ридикюль, маленький узелок с двумя стеклянными чашами, завёрнутыми в тряпки, да птичья клетка — вот и всё, что ей надо было взять с собой.

В последний раз оглядела она горницу, остановившись в неподвижном раздумье, пока свеча не догорела и не погасла в подсвечнике, а огонь — в очаге. Тогда покинула она лачугу, заперла дверь и ступила на горку вместе с Разумником, спящим в клетке. Она улыбалась — и их тут же поглотило облако яблоневых лепестков и лунного света.

Когда Властителю доложили, что в Дом прибыла Крылатая, он сам принял её.

— Добро пожаловать, добрая женщина! — сказал он.

Он был чрезвычайно милостив, но и чуточку смущён тем, что приходится прибегать к услугам такой, как Крылатая. Он считал это ниже своего достоинства и пытался обратить всё в шутку.

— У нас в Городе нет ни церкви, ни театра, так что пока будем понемножку развлекаться колдовством, — сказал он, усмехаясь своим коротким суховатым смешком.

Крылатая внимательно посмотрела на него синим взглядом крокусовых глаз, но не ответила ни слова. И впервые в жизни Властитель почувствовал неуверенность. Эта чудовищная старуха заставила его сказать больше, чем он собирался.

— Становится трудно находить сведующих в колдовстве людей, — сказал он. — Колдуна старинного рода теперь не разыщешь...

Он осёкся, ужасающая старуха смотрела на него взглядом, который становился всё пристальнее и глубже.

— Лично я ничего не имею против колдунов женского рода, — снисходительно добавил он, — вовсе нет, но...

Он сделал несколько шагов взад-вперёд, делая вид, будто предаётся размышлениям. Старуха улыбнулась. Чему тут улыбаться? Ему надо сказать нечто такое, чтобы она поняла: не в таком уж он восторге от её колдовских фокусов.

— Это целиком и полностью идея Властительницы, — сказал он, — потому что я, собственно говоря, скорее желал бы иметь при себе маленького дурака, но, должен сказать, найти дурака тоже становится трудно...

— Дорогой мой... — сказала Крылатая. — Я этого не заметила.

Это были первые её слова, и Властитель немедленно замолчал.

Он, никогда не утруждавший себя мыслями о том, нравится ли ему то или иное в людях, и потому хваставшийся, что «любит всех людей», почувствовал теперь: эта старуха ему совсем не нравится. Охотнее всего он указал бы ей на дверь, но ради Властительницы пусть, пожалуй, остаётся. Он проводил её навёрх, в башню, где была её комната и где, действительно, стоял телескоп.

Он коротко объяснил ей, что если понадобится что-нибудь ещё, стоит только сказать. И собрался уже уйти, когда Крылатая остановила его.

— Мне хотелось бы знать, что от меня ожидают, — сказала она.

Властитель поднял брови.

— Разве я не сказал? Ваша задача — заставить Властительницу желать.

— Желать? А что она должна желать?

— Разумеется, всё что угодно. Она отказывается желать. Она утверждает: для того, чтобы она ещё что-нибудь в жизни пожелала, необходимо колдовство. Ха! Это, конечно, вздор, но именно поэтому, мамзель, вы — здесь.

Произнося эти слова, он нетерпеливо ходил взад-вперёд по комнате. Он явно считал, что Крылатая должна и сама понимать, как обстоят дела, без долгих объяснений.

— Где я могу увидеть Властительницу? — спросила Крылатая.

— В её спальне, разумеется.

И Властитель объяснил, где находятся её покои. Затем, коротко попрощавшись, он ушёл, но в дверях обернулся и с вымученным выражением лица сказал:

— Помните, что ваша задача, мамзель, заставить Властительницу снова желать, безразлично что. А затем, разумеется, буду выполнять её желания Я. Ясно вам?

— А как же, — ответила Крылатая с такой странной улыбкой, что Властитель быстро закрыл за собой дверь.

Крылатая поставила клетку, в которой сидел Разумник — всё время молчавший, но тем не менее вовсе не безразличный к происходящему. Она выпустила ворона из клетки и спросила его, какого он мнения о Властителе.

Прежде чем ответить, Разумник взлетел ввысь и уселся на телескоп. А затем рассеянно сказал:

— Не всем ведь быть одинаково умными. У мелкого озера — и берега низкие, верно?

— Да, — ответила Крылатая. — Пожалуй, так.

Потом она договорилась с вороном, что он облетит весь Дом и всё разузнает, пока она навестит Властительницу.

— Неужели? — произнесла Властительница и зевнула, когда Крылатая вошла в её спальню.

Равнодушно отвернувшись, она продолжала, не глядя на неё:

— Насколько я понимаю, это вы — мамзель Крылатая. Пожалуйста,

присядьте!

Лёжа в кровати, она откинулась на подушки и истомлённой рукой указала на стул. Не произнося ни слова, Крылатая села, а Властительница вымученным голосом сказала:

— Вы, мамзель, насколько я понимаю, пришли развлечь меня своими колдовскими фокусами, но оставьте это! Делайте, что вам угодно, мамзель, но только без колдовства! Потому что я этого не вынесу!

Она закрыла глаза.

— Жизнь не так проста, чтобы разрешить все проблемы с помощью мелких фокусов-покусов, но вы, мамзель, вероятно, этого не понимаете, да и другие — тоже...

Она замолчала, и долго никто из них не произносил ни слова. Крылатая неотрывно смотрела на Властительницу, такую прекрасную собой, лежавшую с закрытыми глазами. Она ещё не удостоила Крылатую ни единым взглядом, она лежала совершенно неподвижно. Но вот Властительница снова заговорила:

— А вы, мамзель Крылатая, не очень-то разговорчивы. Вы, мамзель, ещё ничего не сказали.

— Я разговариваю только с теми, кто смотрит на меня, — тихо ответила Крылатая.

Тут Властительница, прикрыв рукой рот, зевнула и, не поднимая век, произнесла:

— Ну хорошо. И все-таки вам, мамзель, придется выслушать меня, а я избавлюсь от необходимости видеть и слышать вас. Не будет ли это слишком неприятно той, что сведуща в колдовстве?

— Напротив, — отвечала Крылатая, — этого следовало ожидать.

— Вот как, — разочарованно сказала Властительница, — что бы мне тогда придумать, чтобы оскорбить вас, мамзель? Да, я хорошо знаю, что вы в сговоре с Властителем, вам надо заставить меня снова желать, но это бесполезно... Неужели вы действительно так наивны, что сами в это верите, мамзель Крылатая? Как бы там ни было, вы раните меня, если считаете наивной! Нет, скажу вам, мамзель, не рассчитывайте на мою наивность. Приберегите свои нелепые мелкие уловки для кого-нибудь другого! Кого-нибудь поглупее...

Сделав небольшую паузу, она зевнула, затем снова продолжила прясть ту же нить:

— Я — только тщеславна, но не глупа. Властитель — вот он тщеславен и глуп, так что, вы понимаете, мамзель, он — человек — счастливый... Поэтому он может быть и добрым, чего не могу я. Я —

злая... очень злая...

Крылатая по-прежнему ничего не говорила, но внимательно слушала. В этом Доме они оба — и Властитель и Властительница — были очень болтливы.

Тогда Властительница повысила голос:

— Я — ЗЛАЯ, — повторила она. — Разве вы, мамзель, не слышали, что я сказала? Почему, мамзель, вы мне не противоречите?

Крылатая молчала как рыба.

Тогда Властительница впервые открыла глаза.

— Я ПРИВЫКЛА, что мне противоречат, когда я наговариваю на себя, — сказала она, широко раскрыв глаза.

— Вот как, — ответила Крылатая, — а я привыкла соглашаться.

Властительница села в кровати и смерила её взглядом. Вид у неё был по-детски недовольный, но равнодушие, в основном, было наигранным. Высокомерие — также.

Её взгляд остановился на окольцованном левом пальце Ясной Погодки.

— Что за кольцо у вас, мамзель?

— Это всего лишь старое серебряное кольцо.

— Да, я вижу, но ведь оно без жемчужины. Вы потеряли её, мамзель?

— Да, она пропала.

Властительница содрогнулась.

— У-у у кольца жуткий вид, — сказала она. — Словно оно — слепое! Сейчас же снимите его!

Но Крылатая покачала головой, и кольцо осталось у неё на пальце.

Властительница вздохнула и снова откинулась на подушки.

Внезапно в комнату, словно тень, беззвучно проскользнул слуга и поставил на ночной столик поднос со стаканом воды и таблетками. Затем он исчез.

И тут же послышался ужасающий шум. Казалось, будто в Доме проносится ураган; всё сотрясалось и трепетало.

Властительница закрыла лицо обеими руками и сидела так некоторое время, затем взяла пару затычек и заткнула уши. Дрожь, высыпала она пригоршню таблеток в рот и проглотила, запив водой. Пристально взглянув на Крылатую, она раздражённо сказала:

— Можете идти, мамзель Крылатая, вы и так слишком засиделись. Почему вы, собственно говоря, здесь сидите? Я не желаю говорить с ушами, которые не слышат, и не желаю говорить, когда не знаю, что сама говорю, а как мне это знать, если я собственного голоса не слышу? Вам бы

следовало это понимать — а теперь — ИДИТЕ!

Крылатая поднялась и быстро покинула спальню.

Нана обнаружила, что Клас и Клара удрали, пока она спала.

Случилось так, что она однажды забыла принять свои таблетки и проснулась уже через четверть часа. И увидела, что кровати — пусты, а дети — на лестнице. Ясное дело, начался грандиозный переполох, и все сочли, что теперь наконец-то выяснилось, почему посуда разбивалась, когда Нана спала. Уж сама-то она не сомневалась в этом.

Она тотчас же попросила у Властелина один большой браслет и два маленьких. На маленьких браслетах должно быть по крючку, на большом — два. Она попросила также две длинных цепи. Клас и Клара теперь постоянно носили маленькие браслеты, а Нана — большой. Всякий раз, ложась спать, она прикрепляла цепи к своему браслету, а затем прицепляла одну к браслету Класа, а другую — к браслету Клары.

Таким образом дети вынуждены были тихо как мышки лежать в кроватях, так как при малейшем их движении Нана вскакивала. Храп храпом, а сон у неё был чуткий.

Но стоило Нане шевельнуться в кровати под балдахином, как цепи детей натягивались. А иногда она так ужасно вертелась, что руки их болтались над кроватями, как у марионеток. Случалось, она тащила за собой и кровати.

Нана была уверена в своей хитрости и в том, что теперь бокалы будут целы. Но не тут-то было.

Несмотря на то что оба ребёнка лежали прикованные к ней и никак не могли вылезти из кроваток, посуда разбивалась почти всякий раз, когда она спала.

И никто не мог узнать, как это происходило.

В первый же день, когда Крылатая появилась в Доме, она столкнулась лицом к лицу с этой тайной. Не успела она покинуть комнату Властительницы, как Мими закричал во сне. Крылатая была не из пугливых, но этот крик был такой душераздирающий, что она, оцепенев, застыла на месте.

Успокоившись, она быстро пошла туда, откуда слышался крик. С той же стороны доносился также оглушительный грохот, переполняющий Дом.

Сердце Крылатой дико колотилось, и она была преисполнена самых дурных предчувствий.

За всё это время ей не встретилось ни единого человека, покои были пусты, но повсюду мебель была покрыта осколками разбитого стекла. Странно было это видеть.

На столе лежала разбитая ваза, цветы выпали из неё, и вода капала на пол.

В другом месте пустая чаша раскололась как раз посередине. На сервировочном столике стоял поднос с разбитыми графинами из-под вина. Вино тихо капало на ковёр, медленно окрашивавшийся в красный цвет. И нигде — ни души.

Она прибавила шагу и буквально помчалась по комнатам. Её охватило непривычное для неё беспокойство. Но она чувствовала, что вот-вот столкнется с тайной.

Кто бил стекло?

Кто кричал?

Где дети?

Шум нарастал. Она замедлила шаги, она поняла, что приближается... Тут навстречу ей на бесшумных крыльях появился Разумник. Не произнеся ни слова, опустил он на плечо Крылатой. И сразу стало спокойней.

Они встретились у большого окна с видом на Город. Стояла весна, было около трёх часов пополудни, должно было быть ещё светло, но бесконечный серый дождь струился по окнам, затемняя день.

— Ты что-нибудь узнал, Разумник? — спросила Крылатая.

Ворон кивнул и посмотрел на дверь в соседний покой.

— Дети — там? Ты был в комнате?

Он снова кивнул, по-прежнему сидя у неё на плече, меж тем как Крылатая продолжала идти к полуоткрытой двери. Она ступила на порог и остановилась на миг перед тяжёлыми тёмно-зелеными портьерами. Решительно раздвинув их, вошла в детскую. Окна были зашторены, и там царил зелёная мгла. Привыкнув к темноте, она разглядела гигантскую кровать под балдахином у одной из стен, а по углам стояли кроватки детей, одна возле другой. Две цепи тянулись в детской от кровати с балдахином к детским кроваткам. Они мерцали в тусклом свете и змеились всякий раз, когда та, что лежала в кровати, вздыхала.

Дрожь охватила Крылатую, но она без колебаний шла прямо к большой кровати. Звуки её шагов тонули в шуме бури вокруг спящей.

Крылатая побледнела, даже глаза её, казалось, утратили свой удивительный цвет и теперь светились причудливо и отрешенно; ворон по-прежнему неподвижно сидел у неё на плече.

Под балдахином качалась клетка со спящей птицей. Разумник

внимательно смотрел на неё, меж тем как Крылатая смотрела лишь на лежавшую в кровати. Сначала ей показалось, что в темноте блестят глаза, но потом она увидела: это только очки.

В тот же миг она поняла, кто лежит в кровати, и закрыла глаза с выражением величайшего страдания.

Она провела рукой по лбу, словно желая стереть из памяти увиденное, но потом, открыв глаза и склонившись над спящей, горестно прошептала:

— Я предчувствовала — это могла быть только Нана. Что ты натворила на этот раз, моя бедная заблудшая сестра?

Это был тяжкий миг для Крылатой, которая давным-давно не видела сестру и, разумеется, совершенно иначе представляла их встречу. Поэтому-то нежность и прозвучала в её голосе.

Но вот Нана беспокойно зашевелилась, забряцали цепи, и Разумник, предостерегающе каркнув, взлетел и исчез в портьерах. А Крылатая, прежде чем выскользнуть из детской, наградила Нану ещё одним взглядом, преисполненным страха и сострадания.

В следующий миг Нана и Мими проснулись, и в Доме снова стало тихо. Но эта тишина казалась призрачной, когда Крылатая возвращалась той же дорогой, что и недавно; Разумник летел впереди.

Проходя мимо зала, она увидела, что там в каком-то странном оцепенении стоит старый кучер, держа в руках разбитую чашу. Он Крылатую не видел.

В другой комнате она снова увидела его. Он точно так же стоял с осколками вазы в руках. Но и тут он её не увидел.

В третий раз она увидела его — на этот раз с разбитым винным графином. Руки у него были залиты вином, и он не поднимал глаз. Она только диву давалась — как он так быстро передвигается из комнаты в комнату, а вид у него при этом такой, словно он с места не сходил. Но потом она забыла о нём.

Её одолевали совсем другие мысли.

Поднявшись наверх, в башню, она задумалась. Окна башни выходили на все стороны света, и весь мир был закрыт пеленой дождя, только к вечеру он прекратился, тучи рассеялись, а ночь явилась в звёздном одеянии.

Тут Крылатая подошла к телескопу и направила его в небо.

Её не удивило, что она видит точь-в-точь такие же узоры и такой же ход светил наверху, как и в своём тканье дома, только всё бесконечно крупнее и прекраснее.

Некоторые мудрецы говорят, что существует связь между людьми и

звёздами. Вот уж с этим она была не согласна! Она фыркнула при мысли об этом. Какая ерунда! Сходство она видела, связь — нет.

Нет — всему своё место. Здесь, внизу — речь шла о людях.

Там, наверху — только о звёздах. Утешительно было думать: что бы ни случилось с людьми на земле, звёзды неизменны.

Так полагал и Разумник.

— Каждый живёт своей собственной жизнью, — сказал он, — какое до этого дело звёздам...

Прошло несколько дней. Щёки Властительницы снова порозовели, и она поднялась с постели. Она постоянно посылала за Крылатой и каждый раз ссорилась с ней. Казалось, это идёт ей на пользу.

Она стояла у открытого окна в своей спальне, и тёплый ветер играл её прекрасными волосами. Светило солнце.

— Как вы называете меня, мамзель? Вы должны говорить мне — «ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА», — раздражённо сказала она.

Крылатая стояла рядом, одетая в свой плащ с пелериной. Она как раз собиралась выйти, когда Властительница послала за ней. Она ответила:

— О нет, та, что не властвует сама над собой, — не властительница.

Она сказала это ясно и спокойно, ничуть не горячась.

Стоял такой прекрасный день, первый после стольких тёмных и серых. Даже сюда на север, даже в Город Исполнения Желаний, пришло лето и казалось особенно сладостным в этом мрачном Доме.

Крылатая подняла лицо к небу, она улыбалась, а мысли её были далеко.

— Вам, мамзель, не хватает хороших манер, — услышала она голос Властительницы. — Когда я хочу, чтобы вы, мамзель, противоречили мне, вы, мамзель, соглашаетесь со мной, а когда я нуждаюсь в одобрении, вы, мамзель, противоречите.

— Я говорю только то, что думаю, — тихо сказала Крылатая, продолжая думать о своём. Она чувствовала, что ум её ясен и сегодня она сможет действовать. Себя же она ощущала собранной и готовой решить свою задачу.

День для поездки был хороший.

— Нельзя говорить то, что думаешь. Нужно говорить то, что, как тебе кажется, думают другие. Известно вам это, мамзель?

— Нет!

— Тогда мне придётся воспитывать вас, мамзель!

— Пожалуй, не стоит...

— В таком случае, не стоит и заставлять меня что-либо желать, — упрямо сказала Властительница.

Отвечая, Крылатая говорила так, словно её мысли были где-то далеко:

— Нет... и я не думаю, что меня это интересует. В жизни есть вещи поважнее...

Оборвав её нетерпеливым движением, Властительница пролепетала:

— Как вы можете говорить такое, мамзель? А что тогда, ЧТО важнее?

Крылатая по-прежнему стояла, глядя в небо; она не сразу ответила, лёгкий как дымка аромат летних цветов донёлся до неё...

— О, — сказала наконец она, — много чего, большая часть всего на свете важнее людских желаний. Какую роль они играют?

Властительница молчала. Она, казалось, была удивлена, но не довольна — нет. Она сама не знала, что с ней. Эту чудовищно одетую старуху она не понимала, да и себя саму — тоже. Она чувствовала себя и слабой духом и одновременно — неистойвой, печальной и вместе с тем — в приподнятом настроении. Раньше было проще. Множество лет чувствовала она лишь досаду, а эти новые чувства были так непривычны, она просто и не знала, что ей с ними делать. А виновата — старуха. Властительнице хотелось ранить, оскорбить её, поиздеваться над ней. Всё, что она говорила, попросту, как вода, уходило в песок. Эта старуха говорила, что желания её не важны. Какое бесстыдство! Почему же она, Властительница, тогда не сердится?

Как странно! Почему она, когда её так унижают, испытывает почти облегчение? Почему она столь безответна!

Последив за взглядом Крылатой, она равнодушно сказала:

— Мадемуазель, вы что, на тучи глазете? На что вы так упорно смотрите, мамзель?

— На облака. Они похожи на маленьких белых ягнят, которые пасутся на тверди небесной, там, среди башен.

Властительница внезапно стала похожа на маленькую девочку; она молчала. Птичье пение слышалось под окном всё громче, и она серьёзно, склонив голову набок, рассматривала облака.

Когда она через некоторое время ответила, голос у неё был совершенно другой:

— А знаете ли вы, мамзель, что в детстве я пасла ягнят, это было на маленьком убогом лужке, никакой тверди небесной, но всё-таки красиво. Это было давным-давно.

Ветер, вцепившись ей в волосы, бросал их в глаза, она же, отведя их в сторону, продолжала говорить тем же серьёзным голосом, птичьему пению наперекор:

— В то время я хотела стать богатой и получить всё, чего желаю, но я никогда не думала, что это случится. И вот это произошло, я получила всё, и ещё много больше. И поэтому перестала желать, мамзель... и это не только от злости.

Тут Крылатая взглянула на Властительницу, взгляды их впервые встретились и обе поняли, что в самой глубине души они — друзья.

Крылатая обрадовалась, а Властительница была удивлена, ошарашена и испугана. В своём замешательстве она попыталась было принять презрительный вид, когда Крылатая сказала:

— Желания почти всегда исполняются — неизвестно только, как и когда, — и поэтому желания так ненадёжны! Надо желать то, что можно принять в любую минуту. Пожалуй, стоит подумать об этом...

Властительница отошла от окна и нетерпеливо ходила взад-вперёд.

— В таком случае — предпочитаю вообще ничего не желать, — резко сказала она. — Почему никто не хочет понять, что можно хранить своё желание для себя? Здесь, в Доме, у меня не осталось ни одного желания, они исполняются прежде, чем я успеваю прочувствовать их, это жестоко...

Вернувшись к окну, она взяла гостью за руку. Глаза её сверкали.

— Из-за этого я стала Злой. Я хочу и мне должно быть Злой, особенно к Властителю. Это он похитил мои желания, потому что своих собственных у него нет, а он не знает, что их-то ему и недостаёт.

Отпустив руку Крылатой она огляделась, словно искала помощи.

— Я люблю Властителя, мамзель, и потому мне приходится быть Злой, пока он не поймёт меня — да, я буду Злой!

В этот миг в спальне проскользнул, словно тень, слуга и, поставив поднос с таблетками, стаканом воды и затычками для ушей, удалился.

Властительница испуганно проводила его взглядом и вздохнула:

— Теперь Нана ляжет спать. Поедемте со мной на прогулку, мамзель; так прекрасно на воле. Я спрошу, не поедет ли с нами Властитель.

Позвонив, она приказала подать свою коляску. Взгляд у неё был лихорадочный и затравленный, как и всегда, когда Нана собиралась спать.

— Быстрее! — закричала она слуге, а затем повернулась к Крылатой.

— Я не переносу, когда Нана спит, — сказала она, — её сон приводит меня в отчаяние.

И тогда Крылатая, воспользовавшись случаем, спокойно спросила:

— А почему нельзя избавиться от Наны?

Властительница растерялась, занервничала и с виноватым видом объяснила, что Нана принадлежит их Дому, а за детьми надо присматривать.

— Верните детей родителям! — сказала Крылатая пронизывающе глядя на неё и делая ударение на каждом слове.

— Что вы такое говорите, мамзель? — нетерпеливо произнесла Властительница. — Это, конечно, выдумка Властителя, но ведь теперь они

принадлежат Дому...

— Вот что, — сказала Крылатая, — значит так!.. Быть может, я тоже принадлежу Дому?

— Само собой, мамзель. А теперь идёмте!

Но Крылатая не двинулась с места. И Властительница против воли также застыла, прикованная взглядом синих глаз.

— Настанет час, и я, пожалуй, покажу вам, кто принадлежит Дому, а кто — нет, — многозначительно сказала гостя.

В тот же миг Нана заснула и Властительница в сопровождении Крылатой выбежала из Дома.

За дверью их уже ожидала коляска, где сидел Властитель.

Они поспешно тронулись в путь.

Властитель решил быть учтивым с Крылатой. Старуха явно стояла того, потому что Властительница выглядела теперь гораздо свежее. А это главное.

Великодушный как всегда, он счёл нужным не показывать старухе, что терпеть её не может.

Они медленно ехали по улицам, и Властитель с гордостью демонстрировал свой Город. Он показывал, где расположится рынок, где будут воздвигнуты церковь, ратуша, театр, баня, школа. До малейших деталей описал он эти здания, так, что столбы и колонны, своды и арки заслонили его самого. Коснулся он и городских парков, рассказав, какие пышные деревья и цветы будут их украшать.

— Город станет одним из красивейших и лучших городов мира, — объяснил он.

И Крылатая тотчас же поняла, что именно поэтому его никогда не достроят.

Между тем Властительница, откинувшись на подушки коляски, не произносила ни слова. Глаза её были закрыты, пока они не выехали через городские ворота и не покинули город.

Только очутившись за городом, она подняла взор.

Вокруг царило лето. Внезапно это стало совершенно ясно и все же ошеломило. Долгой зимой всегда успеваешь забыть, что лето — это волшебство.

Она снова смотрела на облачных ягнят, которые паслись на тверди небесной, как говорила Крылатая. Властительница ловила её взгляд и снова чувствовала, что они — друзья, но теперь её это больше не пугало. Как они стали друзьями, она, разумеется, не понимала, но больше об этом не думала.

Долго она молча сидела, забыв обо всём на свете, вдыхая тёплый воздух и слушая лишь пение птиц.

Она позабыла Город Исполнения Желаний, и Дом, и всё, что было. Она вспоминала время, когда была бедной босоногой девочкой, бегавшей по траве и собиравшей цветы. Она попыталась вспомнить, какие цветы она рвала, какие больше всего любила, и, внезапно улыбнувшись, чуть мечтательно, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Я хочу букет шиповника, но только чтобы там были одни бутоны, в

детстве я всегда рвала их, прежде чем они распускались...

Властитель, погружённый в собственные раздумья, вздрогнул и быстро посмотрел на Крылатую таким взглядом, словно она сотворила чудо. Затем, наклонившись к Властительнице, торжественно заявил:

— Дорогая... ты высказала желание.

Широко раскрыв испуганные глаза, Властительница тут же медленно их закрыла. Она не отвечала, губы её предательски дрожали.

Однако Властитель, гордо и торжествуя улыбаясь, сказал:

— Как только мы подъедем к кусту шиповника, я выполню твоё желание, мой друг!

В коляске стало тихо. Слышно было лишь пение птиц. Лошади мчались галопом, один за другим мелькали пейзажи, становившиеся всё прекраснее. Они ехали берегом извилистой реки, мимо усеянных цветами лугов и поросших цветами канав. Повсюду в траве колыхались цветы; но ни единого куста шиповника им так и не попалось. Все трое, сидевшие в коляске, испытывали странное напряжение. Беспокойно улыбаясь, оглядывался по сторонам Властитель. Властительница всё ещё сидела, закрыв глаза, лицо её ничего не выражало. А Крылатая сидела выпрямившись и глядя своим синим крокусовым взглядом вдаль.

Никто не решался сказать ни слова.

Они ехали, словно во сне, а топот лошадиных копыт, пение птиц и лёгкие как дымка ароматы отрывали их от действительности.

Когда они подъехали к лесной опушке, где росли кусты шиповника, коляска остановилась, Властитель вышел из неё и пошёл лугом к лесу...

Властительница не смотрела ему вслед, она сидела так же, как и раньше. С Крылатой они не говорили, пока он отсутствовал, что-то удерживало их от беседы.

Прошло немного времени, и Властитель вернулся, но вернулся с пустыми руками. Он шёл медленно, опустив голову.

Тут Властительница наконец взглянула на него. Её лицо казалось напряжённым и строго-серьёзным.

— Где же букет? — спросила она.

— Все цветы шиповника распустились, — в замешательстве ответил он, — нет ни одного бутона.

— И у меня не будет букета шиповника? — изумлённо спросила она.

— Нет, — с величайшим страданием в голосе ответил Властитель.

— Вообще не будет?

У него был вид человека конченого. Он обещал разослать всех слуг в поисках бутонов шиповника, только если она немножко потерпит, но

Властительница ответила:

— Нет, хочу бутоны — сейчас! От Тебя!

Тогда он попросил пожелать вместо бутонов — букет уже распустившихся цветов, но она серьёзно покачала головой.

— Зачем мне это желать? — спросила она. — Ведь я могу это получить.

Сокрушённый, стоял он на дороге, но она вдруг совершила нечто неожиданное. Протянув ему обе руки, она улыбнулась.

— Спасибо, мой друг, — мягко сказала она, — спасибо за то, что ты наконец позволил мне сохранить своё желание.

Ошеломлённый, смотрел он на неё, ошарашенный, однако, тем, что снова слышит, как она произносит слово «спасибо», которое он любил. А она снова улыбнулась ему и сказала:

— Сегодня ты дал мне такое, что никто уже не сумеет отнять у меня. А если бы ты подарил мне бутоны шиповника, которые я пожелала, то к вечеру они бы распустились, а завтра их лепестки опали бы. Теперь они навсегда останутся маленькими алыми бутонами, которые никогда не распустятся и у них не опадут лепестки, они останутся именно такими, какими я их желаю. Спасибо, что ты дал мне их сохранить!

Сев в коляску, Властитель глянул на Крылатую, он не знал, что и думать, но она — она тоже улыбалась. Он почувствовал себя неуверенно. Впечатление было такое, словно он, сам того не зная, совершил нечто благородное.

На миг мелькнула в его голове глупая мысль: ведь он и в этой жизни мог бы совершать благородные поступки, но он отверг её. Как ни странно, мысль эта не заинтересовала его. Именно сейчас подобные мысли не являли для него ни малейшего соблазна. Он прислушивался лишь к голосу Властительницы.

— Теперь ты понимаешь? — нежно спросила она.

И он услышал, как сам отвечает:

— Нет, ещё нет, но я думаю — пойму.

Нана не знала, что гостья — в Доме. Клас и Клара этого тоже не знали, да и вообще они бы её даже и не вспомнили.

Крылатая не собиралась показываться Нане на глаза, прежде чем между ними не начнётся единоборство. Зато вместо себя она послала Разумника — вызнать всё, что происходит между Наной и детьми.

Словно бесшумная тень, летел высоко под потолком ворон, и никто не видел его, кроме какаду Мими, молчавшего как рыба. Но даже если бы он говорил, то ничего не сказал бы Нане, он обменялся взглядами, полными тайного взаимопонимания, с Разумником, и явно ничего не имел против того, что в Доме появилась другая птица.

Таким образом Крылатая узнала всё о привычках Наны, об её уроках с детьми и вообще обо всех её деяниях и свершениях.

Она решила напасть во время урока пения. Тогда Нана бывала особенно в ударе. Отдохнувшая и опасная, потому что пение — её конёк — всегда придавало ей силы.

Может показаться странным, что вместо этого Крылатая не выбрала минуту слабости Наны. Но это было немыслимо. Крылатая хотела, чтобы они были на равных. Если один обманывает другого, это не значит, что они меряются силами. Да и у Наны не было случая подготовиться. И предоставить его ей было невозможно, как бы этого ни хотелось, потому что у Наны не было ни малейшего понятия о честной игре. Она была совершенно бессовестная, хитрая бестия, наносящая удар в спину и преисполненная коварства.

Но, несмотря на всё, они были сестрами; Нана, как и она сама, была дитя природы, порождение сил природы, — они не были полностью людьми, и обе они об этом знали.

Единоборство между ними должно было происходить по законам дикого леса: сильнейший победит. Победит Добро или Зло.

Поэтому несправедливо было бы атаковать Нану в минуту её слабости. Чтобы искоренить Зло до основания, надо предоставить ему все возможности защиты. Обмануть его нельзя. Не следовало обманывать и Нану.

Крылатая знала это и по-своему подготовилась.

И касалось это не только Наны.

Прежде всего она попросила Властителя и Властительницу прийти

сегодня к детям на урок пения.

Им этого не хотелось — что им там делать? Но, увидев, как серьёзна гостья, Властительница быстро сдалась, а затем сдался и Властитель. Они подумали о счастливой сегодняшней прогулке за город и обещали прийти. Потому что по какому-то смутному наитию чувствовали, что без старухи тут не обошлось, хотя она только и делала, что сидела в коляске и, похоже, пальцем не шевельнула.

Затем Крылатая поспешно поднялась наверх, в башню, и перемолвилась с Разумником. Они о чём-то договорились. И она погрузилась в тихое раздумье. Отворив все окна в башне, она просидела там некоторое время, обдуваемая летними ветрами. Вот так собиралась она с силами перед встречей с Наной...

Когда урок пения начался, Крылатая отправилась с Разумником, парящим на сильных крыльях у неё над головой, вниз, в зал, где находились Нана и дети. В руках она держала две чаши работы Альберта-стеклодува. И, встретив Властителя и Властительницу, протянула каждому по чаше и попросила держать их всё время, пока длится урок. И не выпускать из рук.

Властительница испуганно посмотрела на чаши.

— Они похожи на слёзы, — сказала она.

— Это и есть слёзы, — мрачно ответила Крылатая.

Они удивлённо помотрели на неё и не поняли, куда она собирается пойти, но не смели не последовать за ней, когда она быстрыми шагами направилась к Нане.

Урок был в полном разгаре.

Ни Нана, ни дети не заметили троих, вошедших в зал. Гостья сделала знак Властителю и Властительнице — остановиться и молча слушать.

Зелёный свет просачивался в зал. Окна были покрыты густыми зарослями вьющихся растений, шторы были зелёными, как и стены.

Стоя посреди зала, Нана пела.

Клас и Клара, прижатые к стене, словно окаменев, не спускали с неё глаз. В клетке, свисавшей с балдахина, сидел Мими.

Кончив петь, Нана вперила свой взгляд в детей; в комнате на единственный, исполненный страха и трепета миг, настала тишина.

После того как тишина сделала свое дело, она пронзительно, поднимая с каждым словом голос, сказала:

— А теперь, дети, послушаем, не наступил ли вам на ухо медведь! Пойте! Пойте! ПОЙТЕ!

Из уст Класа и Клары послышался их обычный хриплый испуганный

писк.

Тут Нану начало трясти от ярости, и, сжав кулаки, она медленно, крадучись, стала подступать к детям.

Но тут случилось такое, на что она не рассчитывала. Клас и Клара заметили Разумника, который манил их, призывая к бегству. Нана не видела Разумника, но чуть не сошла с ума от бешенства. Несколько ужасающих прыжков — и она нагнала детей, схватила своими гигантскими руками и вцепилась им в уши.

— Вы что думали — такие немзыкальные уши избегнут НАКАЗАНИЯ, — шипела она. — Ах вы трусы, горшки вы этакие?! Стойте смирно, трусливые МЕЛКИЕ ГОРШКИ!^[1]

В этот миг вперёд выступила Крылатая.

Она была пряма, напряжена, как стальная пружина; плащ с пелериной колыхался, от озарившего зал солнечного луча заблестели крылья бабочек на шляпе...

... Нана видит её, отступает, но по-прежнему держа за уши детей. Её лицо расплывается в невыразимо торжествующую и злобную улыбку, рот искривлен, а глаза сверкают, как острие игл.

Похоже, она не боится, она едва ли изумлена, она всего лишь преисполнена презрения. Она держится столь уверенно, столь внушительно, столь бесстрашно, что сестра рядом с ней становится почти незаметной. Всякий, видя их теперь, ничуть не сомневается, кто здесь сильнейшая, кто победит.

Властитель и Властительница цепенеют, они едва осмеливаются перевести дух. Но Крылатая стоит к ним спиной. Они не видят её глаза. Да и не надо им их видеть, так как ни единому смертному человеческому существу не выдержать такого взгляда. Словами их не описать.

Нана дрожит, но ещё не отступает. Взгляд её тоже страшен, но всё-таки он лишь злобен, гадок, жесток. Меж тем как взгляд её сестры — ураган, огнедышащий вулкан, землетрясение; но, что бы ни таил в себе этот взгляд, он остаётся по-прежнему синим и безмятежным, словно летнее ночное небо. Взгляд, который никогда не угасает.

И вот слышится её голос — древний, ужасающе-спокойный голос:

— Нана, дети становятся теми, в кого их превращают. Взгляни на свои трусливые мелкие горшки.

Нана пытается выдержать взгляд Крылатой, но тут веки её начинают дёргаться, она ещё глядит в упор, но мало-помалу уступает. Она смотрит вниз и замечает детей.

Нана быстро отскакивает назад, злоба в её глазах сменяется ужасом.

Властитель и Властительница стоят, словно окаменев. Они видят всё это.

Нана держит за ушки два глиняных горшка, Класа и Клары больше не видно. Они — исчезли.

В этот миг кричит Мими. Крик какаду громче и кошмарнее, чем когда-либо. На этот раз — это крик бодрствующей птицы, и в нём слышится такая боль, какую едва ли встретишь в этом мире.

Когда крик птицы замирает, слышится звон разбивающегося стекла. Повсюду в Доме стекло разлетается на осколки. Таким режущепронзительным был этот крик, что все зеркала дают трещины, все оконные стёкла разбиваются вдребезги.

С руками, полными осколков, стоят Властитель и Властительница. Чаши лопнули прямо у них в руках.

Властительница тихо плачет.

На миг всё замирает. Возникает тишина, не вмещающая ничего, кроме опустошённости. Кажется, будто никогда больше не вернётся сюда жизнь. Будто всё кончается после крика Мими.

Но вот взлетает ворон Разумник и скользит в тишине под потолком зала, вот он уже возле клетки Мими, он открывает её клювом.

Мими вылетает из клетки. Какаду летит прямо к свету, льющемуся сквозь заросли вьющихся растений, он вылетает из окна, стёкла которого недавно лопнули. За окном, на воле, на свежем ветру, он, ликуя, поднимается ввысь, высоко-высоко в небо. Какаду ни разу не оглядывается, а лишь исчезает — ликование Мими — беспредельно!

Разумник по-прежнему сидит в окне и смотрит вслед птице, когда же она исчезает, он объясняет:

— В стародавние времена мы — молодые — были вместе, мы — понимаем друг друга...

Его слова вызывают необычайное волнение... Властитель и Властительница в замешательстве смотрят друг на друга, и Властитель берёт её за руку.

Нана, похоже, совершенно потеряла рассудок, она мечется как безумная по залу, тащит отовсюду свои пожитки, бормоча себе под нос какие-то непонятные слова. Затем в страшной панике покидает зал, но через секунду возвращается. Взгляд её блуждает вокруг и останавливается на Крылатой. Она подходит к ней, их взгляды встречаются, но в них нет уже злобы. Могучая сила покинула Нану, она — сдалась.

И, как нечто само собой разумеющееся, говорит она Крылатой:

— Мы увидимся, сестра.

И та рассеянно кивает:

— Да, мы увидимся...

Тогда Нана уходит.

Однако Властительница, прижавшись к Властителю, не перестаёт плакать. Он гладит её по волосам, но у него самого грустный вид. Он не сердится. И не может вынести вида глиняных горшков, которые Крылатая как раз поднимает и суёт под мышки.

— Я виноват, — повторяет он, — я виноват, я виноват... Кто может простить...

— Бедные маленькие дети, — всхлипывает Властительница. — Неужели они никогда больше не оживут? Теперь они навечно останутся горшками, мамзель?

Прежде чем уйти, Крылатая останавливается перед ними. Её редкостные глаза преисполнены сострадания.

— Нет, не навечно, — говорит она. — Только до тех пор, пока дети останутся здесь, в Доме, они никогда не станут ничем иным.

— Ну а если вернуться домой? — боязливо спрашивает Властитель.

— Да, тогда они снова станут детьми.

И тогда Властитель произносит такое, о чём он прежде и подумать не мог:

— Спасибо!

А Властительница, заикаясь, шепчет:

— Я желаю... желаю вам, мамзель, счастья!

— Я желаю вам, Властительница, того же самого, — произносит Крылатая и идёт к двери. Там она оборачивается и кричит: — Властителю — тоже!

Тут Властитель второй раз говорит:

— Спасибо!

Но гостья впервые назвала их «Властитель» и «Властительница», что бы это значило?

Разумник распротёр крылья и парил, охраняя Крылатую, когда она проходила по всему Дому с глиняными горшками. У неё усталый вид.

В Доме — так много покоев, залов и лестниц... Слишком много...

В одном из покоев натолкнулась она на старого кучера, нагнувшегося над круглым столом, вдоль края которого лежало кольцом двенадцать разбитых бокалов. Тень кучера, падавшая на белую скатерть, была похожа на тень стрелки навсегда остановившихся часов.

Крылатая подошла и прикоснулась к нему.

— Не стоит больше размышлять об этом, — тихо сказала она. — В

последнее время бокалы разбивал птичий крик. А вовсе не малыш. Но какаду улетел, а дети исчезли, так что ничего больше не случится...

Но кучер не слышал её и не видел. Он был стар, он — остановился, а тень стрелки показывала семь.

Вещунья увидела это и поняла, что уже — вечер. Надо было спешить.

Она покинула Дом через дверь чёрного хода и не захотела даже выйти через городские ворота, а отыскала меньшие ворота в тени, которые вели прямо к Реке Забытых Воспоминаний. Там была пришвартована маленькая лодка. Спрыгнув на дно, она поставила горшки на нос, меж тем как Разумник занял место на корме. Отвязав лодку, она пустила её скользить по воде. Ветер, дувший днём, улёгся, вода блестела, и, пока солнце садилось, она отдыхая тихо сидела на вёслах.

Дом отражался в воде. Каким лёгким выглядел там этот Дом! Он мерцал и трепетал, пока лодка медленно скользила над ним, как сквозь сон.

Она стала грести и спустились сумерки, и как прекрасно было грести!

Река была глубока и таила в себе множество давних воспоминаний. То, что опустится здесь на дно, навеки погибло. Крылатая знала это. А достигнув противоположного берега, она знала также, что всё завершилось. Положив вёсла, она медленно обернулась.

Всё было так, как она и думала.

Сидя на корме, спали Клас и Клара. От глиняных горшков не осталось и следа. Взяв небольшое одеяльце, лежавшее в лодке, она накрыла им детей. Разумник провожал взглядом каждое её движение.

— Ты колдовала, — сказал он.

— Я отвела им глаза, — ответила она.

— Другим, но не себе самой, верно?

— Да, мне нужно было видеть то, что видели по моему желанию они.

Глиняные горшки это моя шутка, на самом деле они всё время были детьми.

Мудрый ворон глубокомысленно кивнул.

— Разумник знал это и ничуть не заблуждался, — возвестил он.

Улыбнувшись, Крылатая долго смотрела на него, но не произнесла ни слова. Затем, привязав лодку к дереву, она завернулась в плащ и легла на дно лодки. Разумник уже спал, спрятав голову под крыло. Они продолжают путь завтра, теперь им надо отдохнуть.

«Прекрасно будет — снова приняться за тканьё, — думала Крылатая. — Ведь это всё-таки единственное, чего мне хочется. Надеюсь, колдовать мне больше не придётся. Я слишком умна для этого. На сей раз это было необходимо, но не надо совать нос в чужие дела...»

Лодка качалась как колыбель.

Скоро заснула и вещунья. Шляпа лежала с ней рядом, и ночной ветер играл с крыльями бабочек. Крылатая чуть-чуть улыбалась во сне, но ей ничего не снилось.

Часть третья

*Если случится, что желание твоё сбудется,
значит, так Рок судил.*

*Провидения, волшебство Гроа. См.: Младшая
Эдда. Пер. с исландского. М. — Л., 1970. С. 66.*

Первое, что увидела София, приехав на ярмарку, — была лавка, где продавали кукол. Сердце её больно сжалось в груди, и она не решилась взглянуть на кукол. Ей хотелось быстрее убежать оттуда.

Но взгляд её опять и опять искал это место, и вот — сердце её оборвалось. Она снова переживала тот ужасный день, когда пропали дети. Неужто судьба не могла уберечь её хотя бы от этих воспоминаний?

На том же самом месте, в том же самом углу лавки висела совершенно такая же кукла, как та, о которой тогда мечтала Клара. Кукла с длинными золотистыми косами, в чёрном бархатном плаще и в лиловой кружевной косынке. А ведь старушка утверждала, что Клара купила эту куклу, прежде чем исчезнуть. А теперь она висела в лавке, и София — зачарованная и перепуганная до потери рассудка — не спускала с неё глаз, словно ей явилось привидение. Кукла качалась взад-вперёд на своём шнурке, и Софии показалось, что она смотрит на неё своими блестящими голубыми глазами-пуговицами.

В глубоком отчаянии кинулась мать прочь из лавки. Она ничего не скажет Альберту, не стоит растревлять его рану, он и без того ужасно мрачен.

Она даже ничего не сказала ему о своём ночном походе с кольцом к вещунье. С какой стати ей пробуждать у него такие же напрасные надежды, что испытала она сама?

Было время, когда она слепо верила Крылатой, и, пожалуй, верила иногда и сейчас. Но в ней росло ужасное подозрение: может, это лишь хитрость вещуньи, чтобы завладеть её кольцом? Она отгоняла эту мысль, но та снова и снова к ней возвращалась.

София помчалась обратно в лавку и стала помогать Альберту. Его товар, как это повелось последние годы, бойко расходился.

Стояло лето, и светило солнце. Ярмарка кишмя кишела весёлыми людьми, ожидавшими вечерних развлечений.

Но когда после полудня Альберт распродал всё, что привёз, София захотела ехать домой. Что им делать на ярмарке? Всё равно они давно разучились радоваться. Нет, эти увеселения не для них!

— Нет, — Альберт был заодно с Софией. — Лучше ехать домой.

У них будет чудесная поездка в прекрасную погоду. Раз уж так, пусть лошадь трусит всю ночь напролёт, только бы им не бродить по этой

ярмарке и не мучиться.

Альберт прибрал в лавке, и они пошли взглянуть на свою повозку, стоявшую среди многих в лесу вокруг ярмарочной площади.

Они прошли мимо лужайки, огороженной замшелой каменной стеной. На лужайке расположились табором цыгане. Там стояли их повозки и сушились на солнце выстиранные пёстрые одежды.

Из одной повозки слышалась музыка, кто-то наигрывал печальную мелодию. Играл одинокий музыкант, и они прошли мимо.

Чуть подалее на каменной стене сидел ворон. Когда они проходили мимо, он сидел совершенно спокойно, серьёзно разглядывая свою тень. Он не испугался и не взлетел, хотя видел и слышал их.

— Уж не одноглазый ли это ворон вещуньи Крылатой? — спросил, остановившись, Альберт.

Но тут ворон поднял голову, и Альберт увидел, что у него — два глаза.

— Нет, — сказал он, — не может быть. У этого — два глаза.

Он хотел пойти дальше, но София с места не двинулась. Она подошла ближе к стене и задумчиво посмотрела на ворона. В нем было что-то такое — хорошо ей знакомое. Повернувшись к ней боком, он рассматривал её, и этот взгляд был ей непонятен. Но он был ей знаком и раньше, только София не помнила — когда это было. Сердце её забилось. У ворона был зелёный глаз! Необъяснимое чувство овладело Софией, происходящее было невероятно до головокружения. Такого просто не могло быть!

И всё-таки она сразу поверила, что этот необъяснимый зелёный взгляд уже встречался ей однажды и мерцал в лунном свете, как и сейчас. Она узнала его!

Зелёный камень в ее кольце, который, как ей казалось, постоянно разглядывал её, будто глаз животного — и есть птичий глаз! Неужели это был глаз Разумника?

В её голове пронеслось всё, что рассказывали о Разумнике. Он, ходила молва, утратил один глаз, когда слишком глубоко заглянул в Кладезь Премудрости. Но она никогда этому не верила.

Говорили также, что утратил он свой ночной глаз, лунный глаз, глаз Зла. Поэтому он ничего не видел, кроме Света, Красоты и Добра. Не мог видеть даже собственную тень. Однако теперь этот ворон изучал в раздумье свою тень. Он видел её. И видел много больше, чем свою тень. У него был глаз, созерцавший дно Кладезя Премудрости. Теперь София знала это. То был глаз Разумника.

И поэтому кольцо не давало ей покоя. Кто в силах носить глаз Разумника на своём пальце? Одна мысль об этом леденила кровь в жилах.

Солнце на закате бросило свои вечерние лучи на землю и залило всё ослепительным светом. Небо внезапно озарилось. Каменная стена, где сидел Разумник, стала багровой. Дорога сверкала, как золото.

Великая тишина опустилась на окрестности. Даже шум ярмарки смолк. И лишь одинокая гармоника продолжала играть в цыганской повозке. Правда, мелодия изменилась, звуки спорили, они старались перекричать друг друга, а потом грусть уступила место громкой ликующей песне.

В этих звуках не было ни красоты, ни совершенства, загорелые пальцы бродяги-цыгана едва управлялись с гармоникой, но ни один звук в мире не мог одержать над ними верх, столь непреодолимо счастливыми были эти звуки.

Разумник почувствовал, что ему надо следовать за ними. Расправив крылья, он полетел прямо в небо.

Взяв руку Софии, Альберт пожал её.

Потому что теперь они узнали того, кто играл. Человек этот вылез из повозки и сел на камень рядом с цветущим хмелем, который рос на лужайке.

Это был маленький старичок, ужасно маленький, почти карлик, волосы его сливались с бородой и светились в лучах закатного солнца. Он был совсем древний.

Это был старичок, у которого Альберт купил кольцо для Софии.

Но он их не видел, он играл.

И вот тут Альберт и София увидели, что по залитой золотым светом дороге идут двое маленьких детей. За ними шла Крылатая. Они увидели, как её развевающийся плащ и парящая шляпа обрисовываются на фоне солнца; но, заметив их, она повернулась и исчезла в его лучах.

Двое детей продолжали свой путь одни. И Альберт с Софией кинулись им навстречу. Ведь это же Клас и Клара идут по дороге! Идут спокойно, ничуть не изменившиеся с тех пор, как они видели их в последний раз давным-давно.

Долго-долго Альберт и София не выпускают детей из объятий.

Никто из них не произносит ни слова, но через некоторое время Клара поспешно хватает Софию за руку и тащит её за собой, совсем как в прежние времена.

— Пойдём, глянем на куклу, матушка, — говорит она. — Как ты думаешь, она ещё там?

И тут Альберт и София понимают, что дети забыли всё, что с ними случилось, когда они исчезли. И теряются в догадках, как это могло

произойти.

Ведь откуда им знать: те, кто переплывает Реку Забытых Воспоминаний, никогда не помнят, что случилось с ними на покинутом берегу. Они вспоминают только то, что произошло на другом берегу, на том, куда они приплывают.

Клас и Клара никогда не вспомнят Дом, они никогда не вспомнят ни Властителя, ни Властительницу. Не вспомнят даже Нану.

Всё навечно кануло в Реку Забытых Воспоминаний.

Но иногда они диву даются: почему им бывает страшно подниматься по высоким лестницам? Или почему они иногда подбегают к зеркалу, боясь, что оно окажется пустым. И сердце при этом уходит у них в пятки. Почему они всегда радуются, когда видят себя в зеркале?

Несколько раз им случается проснуться среди ночи с ощущением, что они прикованы к какой-то великанше. Но София зажигает тогда свечу и говорит, что это им лишь приснилось.

— Сны, как потоки воды, — нежно шепчет она им на ушко, — сны уплывают, как потоки воды...

И тогда дети снова всё забывают.

То был сон, и ничего больше.

Но сейчас — в лучах солнечного заката — они ни о чём таком не думают.

Они бродят с отцом и матерью по всей ярмарке. Они видят, как пляшут медведи, видят девушек, пляшущих на ходулях. Они катаются на каруселях, и им дарят подарки, купленные на ярмарке.

В кукольной лавке все куклы проданы. Кроме куклы с золотистыми косами, в бархатном плаще и с лиловой кружевной косынкой на голове.

Старушка в лавке, похоже, растеряна, она изумлена, раньше она эту куклу не заметила, говорит она. И она точно знает, что такую куклу она к ярмарке не шила — чудо, что она попала сюда. Но Клару и Софию это совершенно не интересует.

Не всё ли равно! Главное, что кукла оказывается в объятиях Клары, — так оно и должно быть. Круг замкнулся — и всё становится на свои места! И больше никому ничего не надо знать. И никому ничего не надо понимать.

Достаточно того, что знает Крылатая. Такова её судьба — знать и понимать больше, чем другие.

Этим вечером она снова стоит под яблоней. Яблоня уже отцвела, и видно, что нынче к осени будет много плодов, куда больше, чем в прежние годы.

Она видит, что год будет добрый.

— Разумник, — задумчиво говорит она ворону, сидящему на дереве. — А ты знаешь или нет?

— Да, я знаю, — ответил ворон. Они посмотрели друг на друга.

— Глаз твой стал зелёным оттого, что так долго пролежал в Кладезе Премудрости...

— Я знаю это, — сказал Разумник.

— Что знаешь ты ещё?

Помолчав сперва, ворон окинул её ленивым взглядом и затем ответил:

— Всё. Прежде чем солнце знало, где оно обитает, прежде чем луна знала, какой властью она обладает, прежде чем звёзды знали, где они будут сверкать, Разумник знал уже, что такое жизнь.

Крылатая задумчиво смотрела на него, кивая после каждого его слова.

Ворон снова стал самим собой. К нему вернулся назад его глаз, глаз из стародавних времён. Ничто более не было скрыто от него. Он, как прежде, видел прошлое и будущее. Теперь он смотрел на вещунью другим своим глазом, тем глазом, которому она не смела верить прежде, когда он был у ворона единственным. Но теперь она верила этому взгляду, преисполненному надежды, и глаза её просияли улыбкой — улыбкой цвета синего крокуса.

— Тогда я могу ткать и дальше, — сказала она и вошла в лачугу.

Разумник по-прежнему сидел на дереве. Он прислушивался...

Он прислушивался к стуку ткацкого стана. К шагам времени. К шелесту росы, капли которой падали в траву...

notes

Примечания

1

Намек на пословицу: И маленькие горшки имеют уши.